

S-T-I-K-S

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ

**ПРОЙТИ
ЧЕРЕЗ ТУМАН III**

ПО МИРАМ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО

Алексей Елисеев
S-T-I-K-S. Пройти
через туман III
Серия «S-T-I-K-S. Пройти
через туман», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70099159
SelfPub; 2023*

Аннотация

Меня крестили Орком, и это моя история. Я бывший военный, уже успевший отвыкнуть жить по уставу и выполнять чужие команды. Однажды прошёл через странный туман, и это кардинально изменило мою дальнейшую судьбу. В родном мире я старался никогда не брать на себя лишнюю ответственность, но сейчас в Улье многие люди зависят от меня. Старые проблемы догнали и появились новые, что не доставило мне радости, но моя история всё ещё продолжается.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	57
Глава 10	63
Глава 11	69
Глава 12	75
Глава 13	82
Глава 14	89
Глава 15	96
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Алексей Елисеев
S-T-I-K-S. Пройти
через туман III

Глава 1

При первой встрече Брюнет мне показался робким и домашним парнишкой, но я ошибался. Нередко в жизни попадались такие вот скромные, робкие, да домашние. Про себя называл их «маменькиными сынками». Залюбленные и гиперопекаемые, окунувшись в самостоятельную жизнь, обнаруживали себя мизантропами, немедленно находящими для себя наркотики и алкоголь. Или уходили от жестокой реальности в более экзотические вещи вроде компьютерных игр. В своём мире Олег, может, и был таким, но вот Брюнет, успевший столкнуться с реальностью Улья и вкусить его кровавый мёд полной ложкой, на самом деле оказался храбрецом. Его РПД лупил по мурам, прижимая тех к земле и заставляя искать укрытия. Куда подевалась вся робость?

Мой СКС и АК-47 Мазая собирали щедрую кровавую дань. Если наш «сын полка» занял позицию в полуподвальном помещении, из окошка которого стрелял как из амбразуры, то мы засели на крышах, снимая одиночным огнём муравьев одного за другим.

Бандиты вывели из Кадяжской Средней Школы с три десятка старшеклассниц. Красивые, грудастые, белозубые, молодые американские школьницы были подавлены. Многие плакали, а две или три несли на своих лицах следы недавних побоев. Почувствовавшие себя хозяевами жизни, муры

не стеснялись в методах убеждения. Подловили мы их сразу после того, как они загрузили красавиц в грузовик. Пиковые ответили слаженным ответным огнём. Но то, как они замешкались, выдавало в них необстрелянных и необтёсанных Ульем вчерашних гражданских, экипированных по последнему слову военной моды.

Первым огонь открыл я, так как мой СКС был снабжён глушителем. Пока муры соображали, что методично и планомерно отстреливают их, успел минусануть пятерых. Первые очереди ударили по крыше, где была устроена моя позиция. В нашем распоряжении была всего одна граната РГД-5, отправленная моей лапой в не успевшую рассосаться толпу противников. Сразу после этого вступили в бой Брюнет и Мазай, превратив небольшую площадь перед средней школой в местный филиал Ада. К чести пиковых нужно сказать, что они отстреливались очень метко и успешно. Однако, зажатые с трёх сторон, они мало что могли противопоставить нам. Уйти с открытого места перед школой было некуда. Вероятно, такая беспечность была продиктована тем, что они наведывались на здешний кластер не впервые. Видимо, посещения Кадыяка уже успели стать для муров привычным, даже рутинным делом. Можно ли сохранить бдительность, когда ты раз за разом приезжаешь в одно и тоже место с одними и теми же задачами? Всё вокруг повторяется – сонный городишко, школа, вяло протестующая охрана и учителя, сопли и визги старшеклассниц. В двадцатый раз, в трид-

цатый, сороковой... Всё снова и снова повторяется в точности до деталей, как в Дне Сурка. Но в этот раз за свою беспечность мурам предстоит расплатиться.

Я укрылся за парапетом. Раздались панические вопли пиковых и грохнул взрыв наступательной ручной гранаты. Я злорадно улыбнулся, лёжа на спине, но изменённое зрение кваза выхватило деталь, заставившую мою улыбку увянуть, словно букет тюльпанов спустя неделю после Восьмого марта. Над нами кружил беспилотник. Нет, не ударный и крестообразный, с какими я уже успел познакомиться поближе на Московском кластере, а безобидный квадрокоптер, в простонародье известный, как телеглаз. В общем, малый беспилотный летательный аппарат, не несущий вооружения. Ограничен исключительно разведывательными функциями. Кто-то заинтересовался нашей вознёй, оставалось надеяться, что это не экипаж большого противолодочного корабля. В любом случае заканчивать здесь нужно как можно быстрее.

Я встал на колени, отстрелял оставшиеся пять патронов в магазине и взялся за штурмовую винтовку на базе «Сайги». Это оружие хоть и было нарезным, но по сравнению с СКС имело меньшую кучность на средних и дальних дистанциях. Нельзя исключать и того, что я просто привык к карабину. Тем не менее, недостаток кучности штурмовой винтовки, произведённой в Зимнем, компенсировался вместительным бубном магазина и дешёвым патроном с тяжёлой десятимиллиметровой пулей. Сменив позицию, я про-

должил стрелять короткими очередями по два-три выстрела. Небольшой группе пиковых удалось отступить обратно в здание школы. Это в мои планы не входило.

Муров изначально было больше тридцати. Найти укрытие посчастливилось едва ли трети из них. Однако, это все равно намного больше, чем трое. Как их выколупнуть из школы? Штурмовать? Да нет, бред! У нас ни гранат, ни бронежилетов, ни касок, а противник оснащён всем этим, да ещё и с боеприпасами у них полный порядок.

Кроме того, нас всего трое и терять хоть кого-нибудь я не готов.

Поток мыслей прервал звук рокота мощного двигателя. Я переполз на другую сторону крыши и выглянул. Нет, слух не подвёл меня. Определил точно. По улице вольготно катила, лязгая траками, шведская БМП STRF-90. Нужно ли говорить, первое, что бросилось мне в глаза, были намалёванная на бортах пиковая масть. Боевая машина пехоты катила не мимо, а ехала прямо к месту нашей большой разборки в маленьком Кадыке. Это у нас не было связи, а у пиковых она имелась.

Выкатившаяся на ближайший перекрёсток БМП, повернула башню и навелась на дом, где засел с пулемётом Брюнет. Сделать я ничего не мог. На очередь из четырёх снарядов, попавших в бакалейную лавку, оставалось только матерно выругаться. Естественно, что от двухэтажного домика только щепки полетели. Не сложился он только чудом. Что

там, в подвале испытал Брюнет, я знал как никто. Оставалось только зубами скрипеть в бессильной ярости. Нужно сворачивать войнушку, пока щепки не полетели от нас. Крыть такой аргумент как БМП, было решительно нечем. Тем временем, STRF-90 рыкнул дизельным двигателем и, как ни в чём не бывало, неторопливо двинулся дальше, кроша и уродуя траками асфальтовое покрытие.

Когда эмоциональный накал спал, я ощутил схожее чувство с тем, как воспринимал аккумуляторные батареи в гибридных автомобилях. Только на этот раз, словно бы... Не увидел. Нет. Почувствовал электронику внутри боевой машины. Это было сродни тому, как если бы вдруг стала видна кровеносная система в живом существе. В какой-то момент стало понятно, где какие узлы расположены и, да... Я знал, что нужно сделать, чтобы вырубить их все. Недолго думая, так и поступил.

От моего тела к БМП словно бы пошла невидимая, но упругая и вполне осязаемая мной волна. Когда она дошла и коснулась боевой машины, та чихнула двигателем, заглохла и встала.

Моё тело прошибло ледяной испариной, дыхание сделалось прерывистым, а конечности задрожали. Непослушными пальцами я отвинтил крышку фляги с живуном и надолго к ней приложился, восстанавливая спорный баланс. В голове в это время раненой птицей билась одна только мысль – необходимо срочно отступить. Но сидеть и восстанавли-

ваться после применения Дара, раскрывшегося неожиданной гранью, мне не дали. Со стороны парадного входа в школу раздались выстрелы, хлестнувшие свинцовым дождем по крыше, где я засел. Подполз и очень осторожно выглянул. Так и есть, отступившие пиковые, увидев, что подкрепление себя показало неубедительно, пошли на прорыв к своим машинам. Выглянул я вовремя, чтобы заметить, как один из муров прицелился в меня из РПГ-7. Моего опыта хватило, чтобы определить, что за граната сейчас заряжена в ручной гранатомёт. От понимания, что сюда сейчас прилетит термобарический боеприпас, прошиб пот. В кровь выбросило такое количество адреналина, что я снова смог шевелиться бодрей, чем беременная макака.

Газетчики прозвали такие боеприпасы «вакуумными», но тут весь смысл скорей в создании объёмного взрыва. То есть, болванка снаряда распыляет аэрозоль горючего вещества, детонатор поджигает это гремучее облако. Дальше всё взрывается и... Точка.

Глава 2

После того, как я стал квазом, масса тела значительно увеличилась. Об этом я вспомнил уже тогда, когда бетонный тротуар ощутимо ударил в ноги. Раньше такие прыжки мне давались куда как проще. Хотя справедливости ради стоит заметить, что прыжок с третьего этажа мог бы и намного хуже завершиться, но, видимо, паразит укрепляет не только мышцы и связки, но и скелет. Я прошипел ругательство, уходя в перекат.

Короткими перебежками от одного укрытия до другого, соблюдая предельную осторожность, бросился вперед к примеченному трёхэтажному дому, смотревшемуся основательней других. Подобравшись ближе, я спустился по подвальной лестнице, но тут меня ждало препятствие в виде закрытой двери.

Высунулся и осмотрелся. Нет, меня не заметили. На крыше здания произошел объёмный взрыв, обдавший кожу лица волной упругого жара. Что неудивительно, ведь боеприпасы объёмного взрыва больших калибров по мощности сравнимы со сверхмалыми тактическими ядерными фугасами. Единственное отличие заключается в том, что отсутствует радиационный эффект поражения. По мне выстрелили с плеча, но всё равно очень злая штука.

Загорелся один из грузовиков, вокруг него занялась лужа

растёкшегося топлива. Пара мертвых тел бандитов оказалась в чадающем чёрным дымом огне, не подавая признаков жизни. Решив, что лучшего момента мне не подобрать, прекратил наблюдать за обстановкой, выбил дверь и проник в подвал.

Ручной пулемёт Брюнета снова подал голос, а через минуту к соло РПД присоединился калаш Мазая. Со стороны пошедших на прорыв пиковых раздались крики. Эти звуки для слуха прозвучали музыкой. Я зло усмехнулся и вошёл внутрь подвального помещения, собираясь найти новую удобную позицию.

Почти сразу услышал раздраженные голоса. Между собой зло ругались мужчина и женщина. Причём женский голос опознать удалось не сразу из-за обилия урчаще-рычащих ноток, какие я неоднократно слышал в исполнении Эриксона. Женщина-кваз? Сомнений не вызывало только то, что это точно была представительница хм... слабого пола.

Я присел и быстро осмотрелся вокруг. В подвале было пусто, тихо, пыльно. У одной из стен один на другом стояли ящики из-под фруктов. Вдоль этой инсталляции я и двинулся, ориентируясь на голоса, доносящиеся сверху. Звуки передвижения маскировала стрельба снаружи, потому я прибавил шагу.

Перед дверью на первый этаж начал ступать осторожней и прислушался, о чем говорили в доме. Вся беседа шла по-русски, отчего у меня внутри всё похолодело. Ни одного рейде-

ра-американца или француза я пока не видел. Зато все встреченные в Улье бойко общались на великом и могучем. Возможно, где-то в других регионах дело обстоит как-то иначе, но здесь – на глубоком Северо-Востоке – так. Да и тема была такой, на которую вряд ли могли бы говорить жители только подгрузившегося кластера.

– Если бы это были змееносцы, они бы не высылали спецназ, а долбанули по нам из главного калибра... Зачем им это?

– Если прилетят чемоданы из орудий главного калибра, тогда бы они сосок из школы накрыли вместе с нами, – резко ответил мужчина, – Внешники решили нам не платить.

– С чего бы им нас кидать? – возразил низкий женский голос, – Они не из своего кармана нам платят. За ними стоит государство с миллионами налогоплательщиков. Зажимать какие-то копейки тем, кто таскает из огня для них жёлуди это как рубить голову курице, несущей золотые яйца. Дело бесперспективное и крайне невыгодное...

– Что-то ты разговорила, Мальвина! Твоё дело маленькое! Знай, дёргай марионеток за ниточки!

– Говорю тебе – это случайность, – вновь возразил урчащий низкий женский голос, – Это нападение не согласуется с их интересами. Если убьют иммунных, эта засада теряет всякий смысл.

– И что я, по-твоему, должен сделать?! – резко возразил мужчина.

– Разобраться с нападавшими! – логично предложила

женщина, – Тогда будет ясно, кто нам устроил западню, а лучше взять кого-нибудь из них живым. Разговорим, и всё станет ясно.

– Нет! Нужно сваливать! Если это змееносцы, они нас размажут корабельным калибром с крейсера, как только поймут, что мы их группу разделили...

– Если ты сделаешь это, Груз, клянусь, я прикончу тебя! – донесся до меня громкий угрожающий рык.

– Прикончишь? – вкрадчиво прошипел Груз, – Серьёзно?

Почти без паузы за вопросами последовали звуки ударов и отчаянной рукопашной схватки, топот ног, звяканье оружия, треск переворачивающейся и ломающейся мебели и, наконец, громкий возглас, сообщающий о том, что кому-то очень больно.

Решив, что лучшего шанса может и не представиться, я шагнул в распахнутую дверь, выставив перед собой штурмовую винтовку.

Моя догадка подтвердилась, навзничь на полу лежала женщина-кваз. Ужасно изуродованная мутацией, пожалуй, что из женского в ней оставался только голос, следы косметики на лице, да нелепый парик с голубыми волосами. Всё остальное, от телосложения до перекошенного мутациями лица, принадлежало матёрому лотерейщику. Вокруг распротёртого тела были разбросаны части сломанного стула. Над ней стоял настолько огромный мужик, что в первую секунду я принял его за кваза. Но нет! Бородатая рожа, повернув-

шаяся на звук моего появления, показала всю глубину моего заблуждения. Он просто от природы был широкоплеч, огромен и, видимо, никогда не упускал возможности потягать железо в спортзале. Потому как генетика генетикой, а бугрящиеся тренированные мускулы была не в силах скрыть даже камуфляжная форма.

Легким кошачьим движением этот гигант обернулся и замер с рукой на кобуре. Его острый взгляд, быстрый, как и его повадки, безошибочно оценил мою угрожающую позу. Двухметровая фигура крупного противника заполняла собой чуть не половину небольшой комнатки. Но у него не было времени выхватить пистолет из открытой кобуры или, тем более, вскинуть автомат, висящий за широкой спиной.

В тёмно-карих глазах бородача я увидел отчаянный ответственный процесс, прорабатывавший шансы на выживание. На долю секунды Груз бросил взгляд на распластанную мутировавшую женщину, а затем я словно бы получил удар, одновременно всей площадью тела. Вот только, удар – это короткое воздействие, а на меня сверху упало и никуда не делось по ощущениям больше тонны груза. Затрещали связки, суставы и кости.

Однако противника я опередил на долю секунды, успев вдавить спуск. Длинная смазанная очередь прошла мура от правой ноги до левого плеча. Уже валясь на пол, я понял значение этого странного имени – Груз. Рейдер с Даром контролировать гравитационное воздействие, мать его в дышло!

Гигант рухнул ничком, но это я не увидел из-за кровавой пелены мешавшей адекватно воспринимать окружающее, а скорей, уже домыслил, услышав звук падения. Давление сверху всё больше и больше нарастало. Трещали рёбра, а тяжёлое дыхание с хрипом вырывалось из груди. Каждый последующий вздох давался со всё возрастающими усилиями. О том, чтобы пошевелить хоть пальцем нечего было и думать. Так продолжалось некоторое время, пока я просто не смог сделать очередной вдох. Внутри черепной коробки заметались панические мысли о скором и неотвратимом конце, подобные тем, какие бывают в момент, когда начинаешь тонуть, а до суши два километра, и не к югу или на север, а строго вертикально вниз. Парализованное паникой сознание уже ускользало, но я успел увидеть шагнувшую ко мне мутантку.

– Какая удача! – просипела та, разглядывая меня и ухмыляясь отвратительно пастью, – Это ты! И ты убил Груза! Вот спасибо тебе, дорогой!

У меня получилось, наконец, с хрипом сделать первый вдох за несколько минут, показавшихся мне часами, но подошедшая вплотную женщина-кваз не дала мне обрадоваться этому обстоятельству. На мою многострадальную голову обрушился мощный удар автоматного приклада. И... Свет в моих глазах померк.

Глава 3

Инга Александровна Страх не сомневалась насчёт того, что скоро перед ней вновь встанет дилемма. Нужно срочно выработать план, как ей противостоять новым ударам судьбы. Но! Но сначала одно дело, которое откладывать нельзя.

– Ты уже стал моей марионеткой. Теперь ты станешь моей сломанной куклой, – равнодушно сказала она Авдеичу, внутренне торжествуя, – Бегом...

Плюгавый мужчина... Да, что там мужчина. Так... Мужичок! Неее... Мужинка! Мужинка с пухом на лысине молча взял короткий разбег и решил свою участь, ударившись головой с разбегу об закалённое и толстое стекло витрины, оставив после себя лишь подтёки размазанной крови и чего-то ещё. По помещению универсама пошло гулять гулкое эхо. Зря она решила сделать это так громко... Пусть бы сидел пять минут и душил себя своими руками. Грузная женщина подошла к конвульсивно бьющемуся на полу телу.

– А ведь всё могло бы быть у нас с тобой отлично, Авдюша, – с деланным сочувствием произнесла она, – Если бы ты меня не предал. Я не прощаю предательства.

Она подумала и добавила:

– С недавнего времени ничего не прощаю...

Но глаза мужинки застыли и потеряли осмысленность. Конечно, этот чёрт плешивый сам заслужил себе такую судь-

бу потому, что решил пролезть поперёк неё.

Этого стоило ожидать, ведь Авдеевич был так расписан куполами, что отсвечивал синим цветом на всю ближайшую округу. Правильней всего от него было бы избавиться раньше или совсем не связываться. Однако отвертеться от него никак было нельзя. Ведь в ближайший сетевой универсам его взяли грузчиком по решению суда. Худой, плешивый и расписанный тюремными татуировками Авдеич работал уже несколько лет по соседству. Тихий, молчаливый, никому не интересный и не отказывающий в помощи. Вот, например, Инге Александровне каждый день помогал открывать и закрывать её лавочку, донося в холодильник сетевого магазина сосиски и сардельки, из которых она весь день готовила хот-доги. Естественно, этот уже пожилой мужчинка делал всё не за просто так. Со своей помощи он имел на завтрак и ужин по паре королевских хот-догов, а обедать он вроде и вовсе перестал после того, как вышел на свободу с очередной ка-торги.

Конец Света наступил неожиданно и как-то очень обы-денно. Не было тревожного музыкального сопровождения или объявлений по не замолкающему в забегаловке теле-визору. Вообще ничего не было. Отключился свет, пропа-ла связь и немного повоняло какой-то кислятиной, а Ин-га Александровна не поняла, что старая жизнь закончилась. Она, тихо матерясь, продолжила торговать хот-догами.

Однако от наблюдательной сотрудницы быстропита не

укрылось, что народ стал каким-то неадекватным. Хотя... Адекватные разве заседают в её кафетерии? Студенты голодные, попрошайки, алконавты да мелкое вокзальное ворьё.

Вот и сейчас одна из попрошаек села под столом. Маленькая девчонка где-то развела пассажира печального на самый огромный и дорогой хот-дог с сарделькой и теперь жадно запихивала добычу в себя, почти не жуя. Пока Инга Александровна и здоровый волосатый мужчина решали вопросы сдачи, худой и рябой нескладный парень лет девятнадцати, сидел на соседнем месте от того, под которым она жевала свой хот-дог. Он покачивал ногой совсем рядом с девочкой, как вдруг конечность изменила траекторию и ударила её в лицо носком тяжёлого ботинка. Это заметил здоровый мордоворот. Инга Александровна, увидев выражение его лица, решила, что сейчас случится мордобой, возможно с тяжкими телесными повреждениями. Очень уж у волосатого и рябого были разными весовые категории.

– Ай! – воскликнула девочка и, зажимая разбитый нос рукой, выскочила на улицу.

– Ах, ты...

Выдохнул здоровяк с причёской а ля конский хвост, но дальше осёкся, видимо, не сумев подобрать цензурных слов для произошедшего. Инга Александровна и сама с трудом сохранила беспристрастное выражение лица. Плавное, неуловимое движение – и мордоворот оказался рядом с рябым, схватил его за грудки и легко вздёрнул вверх словно

тряпичную куклу. Ничего удивительного в этом не было, парень был тощим. Едва ли он сам питался лучше своих подопечных. Стул с треском полетел в сторону.

– Ты что творишь, паскуда? – прохрипел мордоворот в испуганное лицо тощему рябому парнишке.

– Я случайно! – завопил он полузадушенно – ворот замшевой куртки перетянул ему горло, – Пусти!

Если не вмешаться, то он просто пришибёт паренька.

– Он на работе. Отпустите его, – в интеллектуальный диалог решила вступить Инга Александровна, – Этот парень ставит попрошайек на точки клянчить милостыню. Если он не сделает дневную норму, его и без вас поколотят.

Мордоворот перевёл затуманенный яростью взгляд на неё. Не вздрогнуть стоило больших усилий, но она кивнула в ответ.

– Да, – подтвердила Инга Александровна, – Те, кто работают на Петроградском, видят этих Ань годами. Они все наркоманки. Попрошайничают, пока не вырастают в девушек, потом их расставляют на панели.

– Она же просто больной ребёнок, – прохрипел волосатый, но начал опускать парнишку, – Какая проституция?

– Самая обычная, – ответила Инга Александровна, – Вы спровоцировали его, сняв попрошайку с точки.

Страх понимала, что её слова не отменяли того, что рябой ударил в лицо ребёнка, но спокойный тон вроде бы сбил весь боевой запал патлатого мордоворота. Этот здоровый мужик

должен понять, что тощий, рябой парнишка – тоже жертва.

Вообще, мужик был хоть и здоровый, но выглядел интеллигентно. Непонятно, почему из мирного и респектабельного мужчины так и прёт агрессия. Из неё и из самой вот-вот готово выплеснуться что-то подобное.

– Пусти...

Пискнул парень, рябое лицо его совсем уж нехорошо покраснело. Но отпустить того без напутствия здоровяку было, конечно, никак нельзя.

– Ещё раз ударишь ребёнка – найду... Внял?

Парень испуганно кивнул.

– Угу...

Инга Александровна молча наблюдала за безобразной от самого начала и до конца сценой. Всё вроде обошлось без кровопролития, но уже через полчаса на площадь Трёх вокзалов прибежало страшное нечто, место которому было в Парке Юрского периода. Это существо было похоже на динозавра и, одновременно, на обезьяну, покрытую бронёй из кости, шипов и каких-то щитков или бляшек.

Она уже решила закрывать забегаловку и ждала, когда подойдёт Авдеич, чтобы тот отнёс скоропортящиеся продукты в холодильник универсама, когда из-за угла выскочило оно. Чудовище из похмельного бреда.

С Ингой Александровной натурально приключилась медвежья болезнь. Шикарные штаны, которые она пошила в ателье, были безвозвратно испорчены. Благо, что можно ходить

с голыми ляжками, не привлекая к себе особого внимания. Для женщины штаны – не обязательный элемент гардероба.

Но все эти посторонние мысли пришли в голову потом, а до этого увидеть тварь размером с бегемота на Петроградском вокзале было как откровение. Если ещё учесть, что гигантская серая тварь рубила людей напополам длинными когтями и походя засовывала передними конечностями кровавые куски в слюнявую клыкастую пасть...

Не помнящая себя от страха Инга Александровна Страх бежала так, словно решила стать новым чемпионом по бегу на короткие дистанции. И не мешали ей тридцать лишних килограмм и шестой десяток лет. Из-за слез она бежала, разбирая лишь общие силуэты и направление.

– Девочки! Девочки! Там такое! – запричитала она, забежав в универсам к коллегам, – Закрывайтесь быстрее!

– Да что случилось? – спросила Тамара Георгиевна неестественно севшим голосом, – Объясни толком...

– На площади динозавр людей жрёт! Вот что!!! – выкрикнула она и разрыдалась.

Наверное просто ко всем своим бедам и неудачам она ещё и сошла с ума.

– Динозавр? – недоверчиво уточнила Тамара Георгиевна.

Но ответить Инга Александровна уже не могла, так как не могла остановить рыдания. Кто-то из продавцов отвел её в уборную и снабдил бутылкой минеральной воды. Когда она вернулась в торговый зал, то на площади уже стреляли оче-

редями и страшно кричали люди.

Глава 4

Директор универсама «Невский» Тамара Георгиевна не поверила в рассказ про динозавра и решила проверить, что такое происходит вокруг. Пока Инга Александровна приводила себя в относительный порядок, женщина ушла, и больше её никто не видел. Оставалось только гадать о её судьбе. Инга Александровна догадывалась, что произошло, но удержать всех остальных от повторения судьбы Тамары Георгиевны не могла.

Не остались на рабочем месте и почти все остальные сотрудники, ушедшие по домам. Наверное, они думали, что поступают правильно. Возможно, они и сделали верный выбор, но Инга Александровна боялась гориллообразного динозавра, жравшего людей как конфеты. Выгнать её из магазина сейчас не смог бы, наверное, никто. Поэтому она осталась внутри универсама «Невский» вместе с грузчиком Авдеичем и ночным сторожем Маричем. Вообще, его имя было Игорь, но почему-то все окружающие звали его только по фамилии.

Когда двери закрылись за последними ушедшими по домам сотрудниками, в магазине повисла тишина. Из-за этого в просторном торговом зале были прекрасно слышны звуки, доносившиеся с улицы. Непостижимым образом они проникали отголосками и продолжали гулять гулким раскатистым

эхом. От такой «тишины» становилось только страшней.

А снаружи творилось явно что-то из ряда вон выходящее. Там стреляли очередями из автоматического оружия, неразборчиво и хрипло орали в мегафон, гудели клаксонами, страшно кричали люди и выли сирены экипажей жандармерии. А в завершении раздалось два взрыва.

– Ф1? – настороженно спросил Марич.

– Не-е-е, – пренебрежительно-снисходительно ответил Авдеич, сидя на корточках и выпуская вонючий дым сигареты без фильтра через нос, – Это помощней что-то. РГД-5 скорей...

– А какая разница? – уже не скрывая испуг, спросил Игорян.

– Да... Как тебе сказать? – протянул расписной грузчик, – Одна граната мощней, но осколки в ней легче. Другая с тяжёлыми осколками, но взрывчатки в ней меньше...

Авдеич замолчал, старательно туша сигарету.

– А зачем так? – суетливо спросил охранник.

– Затем, что разница в назначении, чудак ты печальный, – ухмыльнулся стальными зубами грузчик, – Одна граната наступательная, её можно в поле спокойно перед собой бросить.

– А другая?

– Другая – оборонительная, – снисходительно пояснил Авдеич, – Бросать только из укрытия такие подарочки можно, или самого осколками посечёт.

Инга Александровна воспринимала разговор мужчин в пол-уха, прислушиваясь в основном к происходящему на улице. Коллеги также не пропустили этот бесплатный концерт.

«Невский» был большим сетевым универсамом, кроме всего прочего, здесь торговали и свежим мясом. Чтобы это самое мясо оставалось свежим при любых обстоятельствах, хозяева озаботились приобретением мощных холодильных установок и независимого генератора электрической энергии, чтобы сигнализация, холодильники, кассовые аппараты и менее важные для функционирования большого магазина системы не прекращали работу ни при каких обстоятельствах. Вот и сейчас, дизель в подвале молотил, обеспечивая универсам электричеством.

После того, как опытный Авдеич авторитетно заявил, что, похоже, снаружи стреляют из крупнокалиберного пулемёта, Страх наконец-то решила, что инициативы от мужиков не дожидаться и взяла слово:

– Вам не кажется, что нам пора выдернуть из розетки неоновую вывеску? – нервно спросила Инга Александровна.

– Верно, – спокойно подтвердил Авдеич, – Света нет по всему району. «Невский», должно быть, светится сейчас не так ярко, но когда стемнеет, будет сиять как ёлка новогодняя...

Марич хотел какое-то своё мнение озвучить, рот даже открыл, но, не сговариваясь, слушать его не стали. Заглушить

дизель-генератор, радикально прекратив подачу электричества, оказалось делом двух секунд. Всего-то и нужно было дернуть за старомодный рубильник. Если снабжённый большими витринами из толстого закалённого стекла торговый зал освещался снаружи, то подвальные помещения натурально погрузились в темноту.

– Пойду с крыши осмотрюсь...

Сообщил о своём решении Авдеич. Он непостижимым образом преобразился, попав в экстремальную ситуацию, и, вроде, стал даже выше ростом. Как ему удавалось сохранять хладнокровие перед лицом неизвестности и опасности? Вот, одутловатый и холёный Марич поплыл и явно был близок к панике, как, впрочем, и Инга Александровна.

– Я с тобой...

Грузчик небрежно пожал плечами. «Невский» не был высоким зданием, но с его крыши в просвет между домами было прекрасно видна значительная часть Площади трёх вокзалов.

– Пригнись, бли-и-и-н...

Сильная клешня Авдеича, которого Инга Александровна всё время знакомства считала рохлей и слабаком, с неожиданной для неё силой нагнула её к не слишком чистому гудрону.

– Что дальше? – испуганно спросила она.

– Не высовывайся, а я поползу к краю, погляжу, что там...

Однако остаться одной в полной неизвестности оказалось

невыносимо. Она, безбожно пачкая свою накрахмаленную униформу продавца сосисок в тесте, направилась за грузчиком. Когда же выглянула из-за парапета, то поняла – это конец.

Москва, которую она видела ещё совсем недавно погибала, уступая место разрухе и хаосу. Открывшиеся с крыши виды оптимизма не то, что не внушили, а заставили затуманиться взгляд от накативших слёз. Нет, она не сопереживала разорванному человеку на тротуаре, чью ногу жрал перекачанный стероидный бодибилдер. На площади тут и там виднелись лужи крови и растасканные кости. Человеческие кости. Ветер гонял мелкий мусор, на который внезапно всем стало наплевать. На проезжей части в хаосе стояли брошенные автомобили. Кое-где были видны выбитые окна и взломанные двери. Два экипажа жандармерии чадили чёрными столбами масляного дыма. Люди спрятались в здании вокзала. Нужно отдать должное жандармам, те не теряли времени даром, а местами забаррикадировали, местами закрыли решётками входы в здание. По площади бродили редкие прохожие, похожие на серокожих зомби и раскормленных стероидных мутантов. Время от времени кто-то из них бросался на решётки и баррикады. Оттуда стреляли в упор. Мутанты либо падали, либо отбегали, если могли.

Инга Александровна никогда не любила Москву и москвичей. Спроси её кто-нибудь, почему, вряд ли бы она смогла внятно ответить. Вид таких метаморфоз её совсем не ра-

довал, но и не вызывал совершенно никаких сожалений. Но почему тогда на глаза навернулись слёзы?

Первая причина заключалась в ситуации безысходности. Даже не так, а в Безысходности. Именно, с заглавной «Б». Её текущее состояние можно было описать только как бессилие. Инга Александровна прекрасно с первого взгляда посчитала ситуацию и всё поняла – изменить текущее положение не в её силах. Что можно тут предпринять, если серокожие мутанты, отдалённо напоминавшие людей, уже загнали подготовленных и специально обученных жандармов в здание вокзала? Скольких они успели спасти? Вряд ли многих... Но это не надолго. Вот сейчас вернётся «динозавр», непонятно куда девшийся, и перемножит всех на ноль. И спасителей, и спасённых.

Это противостояние с таким многочисленным, серьёзным, сильным врагом не затянется надолго. Потому что даже ничего не понимавшей в военном деле Инге Александровне ясно, что серые всё ещё продолжают пребывать. На место одного убитого приходило сразу несколько новых монстров. Как бы жандармы не отстреливались, им это не поможет. Серые просто и незатейливо жрали людей, не давая никакой возможность нормально организовать, дать сдачи, парировать или отступить.

Второй причиной слёз была банальная жалость к себе. Мало, что ли, её была судьба? Только вроде бы всё наладилось... И тут такое

Нет! Сидеть на одном месте тише воды ниже травы кажется удачным решением. Всё, что нужно сейчас – это переждать локальный Армагеддон в тихом привычном месте. А что дальше? На помощь не придут. Если эти серые людоеды дошли до Москвы, куда уходить ей?

Глава 5

Два соседа, Джо и Монзомо, наслаждались тишиной, глядя на падающий за окном снег. Не было ветра, который следовало бы ожидать здесь, на побережье. Тяжёлые белые хлопья неторопливо валили с неба почти под прямым углом, словно их включил кто-то невидимый, неведомый, непостижимый. Неестественная тишина не была абсолютной, её в большой гостинной разбавляли звуки потрескивания дров в очаге и звуки готовящейся еды. Запахи были под стать. Недавно познакомившиеся соседи решили немного обмыть знакомство, но, чтобы не напиться в кратчайшие сроки, решили сделать перерыв и почаёвничать.

– Как опытный пьяница с богатейшим опытом и длительным стажем, авторитетно заявляю, о печени можете не беспокоиться, сэр, – скупой улыбнулся индеец, – Чай, который мы пьём, поможет избежать тяжёлого похмелья и смягчит пагубное воздействие на организм.

– Откровенно говоря, – усмехнулся Джо, – Я опасаясь контакта с миром духов на почве обильных алкогольных возлияний.

Ясно было, что он пошутил, но Монзомо ответил серьёзно:

– Контакт с миром духов вам не грозит, потому что вы с ним контактируете каждый день, – прервался он, отправляя

в рот кусок стейка и энергично его пережевывая, – Если хотелось бы прикоснуться к этому, то можно позднее попробовать устроить вашу встречу с духом-хранителем.

Они какое-то время просто жевали, насыщаясь свежатиной. Разговор на некоторое время прервался. Молчание нарушил Джошуа, украдкой разглядывая своего собеседника. Очень колоритного такого, на вид – настоящего коренного индейца с длинными волосами и умным, но неизмеримо унылым взглядом. Впрочем, к таким вот тоскливым взглядам жителей Кадьяка Шредер уже почти привык. Это поначалу, только когда он приехал из Лос-Анджелеса, ему хотелось безостановочно всех спрашивать, всё ли у них в порядке. Люди тут сплошь все были «осенние» или «северного типа», скупые на движения и речи, хмурые, недоверчивые.

– Вы рассказывали про местное место силы, – заинтересованно сказал Шредер, – Мне было бы интересно узнать об этом больше. Что вкладывают местные жители в это понятие? Это какой-то тектонический разлом?

Индеец внимательно, не перебивая, выслушал собеседника, степенно кивнул. Когда же Джо закончил, на некоторое время повисла тишина, прерываемая лишь треском поленьев в очаге.

– Местом Силы? – переспросил он, пригубив чай из своей кружки, – Х-м-м... Ну как вам сказать? Скорей да, чем нет. Например, Тибет – считается местом Силы. Правда, я там никогда не был и не могу сказать, насколько это правда.

Наше Место Силы – никакой не разлом или кратер, а гора, как Тибет, только намного скромней. Если перевести индейское название, то по английски название будет звучать как Медвежья Круча. Это гора расположена в окружении восьми холмов. Паломничество принято совершать начинать с обхода этих холмов и заканчивать в священной пещере Медвежьей Кручи. Там шаманы получают инициацию и говорят с духами.

Индеец прервался, чтобы долить травяного чая в кружки.

– Как интересно, – кивнул Джо, – Я прочитал про Кадьяк всё, что смог найти, но про это ничего не знал...

Монзомо сел с кружкой горячего чая напротив и продолжил рассказ, отметив интерес собеседника к теме.

– Эта гора уникальна тем, что на её вершине часто бывают крутящиеся в виде воронки смерчи, которые никуда с вершины не уходят. Учёные пытались проникнуть в суть явления, но, насколько мне известно, они не преуспели, а лет десять назад читал статью, что на Медвежьей Круче – гравитационная аномалия, которая выходит за пределы земной атмосферы и является порталом в другие миры... Думаю, что та научная статья поставила точку в карьере физика. Потому как я больше его публикаций не видел.

Монзомо неприлично хохотнул, но тут же снова вернулся к серьёзному и взвешенному повествованию, продолжив рассказ:

– Хорошей погоды над вершиной практически никогда не

бывает. Она всегда затянута плотной пеленой тумана. Многие пытались совершить туда восхождение, но преуспели в этом очень и очень немногие, а те, кто вернулся с горы, чаще всего признавались, что не доходили до вершины. Говорят – это место не для людей. Так оно себя проявляет.

После солидного возлияния и закусок есть Джо почти не хотелось. Но жареная на огне оленина оказалась настолько хороша, что он с удовольствием съел два больших куска свешатины, чувствуя, что приближается к вершине блаженства, и в него уже не влезет ни одного кусочка.

– Я вот что хотел ещё спросить...

Джо налил ещё коньяка и продолжил:

– А побывать в священной пещере могут только индейцы? – спросил он, – Или белым тоже можно?

Индеец пожал плечами и отпил чая.

– Никаких подобных табу нет, но сначала нужно посетить особое место...

Дальше Монзомо продолжал, нагнав на себя загадочности, а игра света и тени от языков пламени в очаге на лице и фигуре только помогала в этом,

– Под отвесной скалой, у подножия горы находится Небесное озеро. Оно считается таинственным местом Силы с особой энергетикой. Вода в озере течёт по горе не сверху вниз, а наоборот снизу вверх. Считается, что человек, поклонившийся горе, получает благосклонность Великого Духа, исцеляется от всех болезней и очищается от негативной

энергии. Паломничество туда принято совершать во время летнего солнцестояния. Но можно просто там побывать. Это заповедное и священное место. Обряд паломничества связан с пятью элементами, составляющими физическое тело человека. К ним относятся огонь, вода, воздух, земля и пространство. Так создаётся гармония во взаимодействии тела человека и природы, которая тоже состоит из этих же элементов. В Местах Силы человек получает возможность восстановиться и очиститься от негативной энергии собственной разрушительной деятельности... Переосмыслить себя. Подняться над собой. Запомнить себя чистым от страстей и вернуться к жизни обновлённым. Многие в таких местах обретают Духа-хранителя, может, и вам повезёт...

Посидели. Джо переваривал полученную информацию, а Монзомо молча потягивал коньяк, не торопя своего соседа.

– Дух-хранитель? – Джо усмехнулся, – Мы их называем Ангелами – Мал ах. Мой Ангел всегда был очень добр ко мне, и мне не о чем его просить. А поблагодарить я его могу и без всяких обрядов. А говорил я о других духах... Духах мертвых... Ладно, не слушайте меня. Это глупости всё ...

Индеец благосклонно улыбнулся и пожал плечами. Шрёдер рассказ о Медвежьей Круче слушал с великим интересом. Пьяное воображение услужливо дорисовывало ему детали волшебного места. Свойственный доктору-психотерапевту скептицизм был давно испарён алкогольными парами, и его место заняла детская доверчивость. И эта самая довер-

чивость с удовольствием слушала индейские байки, развесив уши и разинув рот. И, чёрт возьми, ему нравилось это ощущение прикосновения к чему-то глубинному, мудрому и настоящему. Он не верил во всю эту мистическую мумбу-юмбу, однако сосед-индеец настолько авторитетно и убедительно всё излагал, что даже если это неправда, Джо ни капли не расстроится.

– Черт возьми, Брендан, я хочу немедленно там побывать! – заявил Шредер и резво подскочил на ноги.

Алкоголь дал усиление энергии, но, увы, отнял ловкость и координацию. Доктора тут же повело, и он плюхнулся обратно. В безуспешной попытке удержать равновесие задел коленным стол, с которого свалилась пара пластиковых тарелок из-под закусок, а из кружки плеснул чай на стол. Любопытно, что во время всех своих сумбурных телодвижений стакан с коньяком Джо не выронил и ни капли не пролил из него.

– Ох! Простите... Простите! – замахал он рукой и зачистил, – Дайте мне салфетку, я тут все сейчас уберу.

И принялся собирать тарелки и объедки с пола под столом. Затем снова встал, неверной походкой отправившись к стойке и кухонному уголку, чтобы найти там мусорный пакет или что там вместо него у соседа? Нашел его, где и положено – под мойкой, выкинул мусор, вымыл руки, повернулся к индейцу, опершись задом о столешницу тумбы, чтобы ноги не гуляли, и ткнул пальцем в хозяина дома.

Глава 6

– Вы меня туда отвезёте, сэр? На эту Медвежью Кручу. И непременно к Небесному озеру. Обязательно, – даже не попросил, а потребовал он, – Я остро нуждаюсь в очищении от страстей. И вообще, никогда не видел рек, текущих вверх по горе. Мне совершенно необходимо это увидеть собственными глазами. Если бы я мог сейчас водить машину, то отправился бы туда немедленно. Но... я уже слишком пьян и не могу.

Шредер горестно развёл руками, состроив печальную гримасу на лице. Что тут скрывать? Он был уже крепко пьян, но, чёрт возьми, проблемы его отпустили, беда, клубившаяся чёрной тучей где-то над головой, отступила от него.

– А что? Давайте и съездим, – солидно согласился индеец, – Сегодня прекрасный день для экскурсии. Снег выпал и это... Это прекрасно...

Прочувствованно закруглил он мысль, разливая остатки из бутылки по стаканам. В голове назойливо крутилась какая-то мысль и, наконец, оформилась во фразу.

– Только, знаете, за руль я не сяду. Много мы выпили. На улицах никого, конечно, но... Сейчас наберу мужа своей родственницы. Мы с ним иногда вместе ходим на охоту. Думаю, что он нам не откажет.

Сказано – сделано. Монзомо минут пятнадцать звонил ко-

му-то по мобильному телефону. Шредер слушал незнакомые слова индейского наречия и улыбался. Наконец, сосед снова сел за стол, посветлевший лицом.

В обществе неторопливого, солидного и серьёзного Монзомо, казалось, что даже мышцы лица расслабились. Только в компании этого печального индейца он понял, что во всей своей предыдущей городской жизни их словно свело от дежурной улыбки. Когда он образованный человек, нацепил на себя эту маску вечно счастливого болванчика? Когда он последний раз расслаблялся как сегодня? Когда последний раз снимал эту проклятую личину, похоже, присосшую к нему намертво? И... Зачем он им всем улыбается? Хочет понравиться? А зачем? Зачем ему быть для всех мужчиной-праздником?!

Видимо, по привычке. Со школы Джошуа славился как балагур, весельчак и вообще душа компании. Девочки, девушки и женщины всегда обращали на него внимание в первую очередь из-за искромётного чувство юмора. Но зачем это ему? Ведь он не бабник и не повеса? Скольких Донжуанов на жизненном пути не встречалось, многие из них оказались в итоге заурядными подлецами. Нужно ли иметь с этой породой людей хоть что-нибудь общее? Возможно... Кому-нибудь, но нет. Джо сомневался, что хочет этого.

Сам же он всегда был, немножечко, раздолбаем, хотя скорей всего, это его, ничуть не портило, Шредер не прекращал над собой работать, всем своим видом, показывая окружаю-

щим, что он не такой. Уже за сорок, а что вообще от него настоящего осталось?

Всю жизнь ему везло, но немногие знают, что эта удача – следствие кропотливого труда. Дураки этому завидуют. Дураки думают, что жизнь Джошуа – весёлый аттракцион, но на деле это каждодневная карусель из труда, усталости, бесконечной рутины и притворства, а никакие не виражи счастья, как он показывает окружающим.

Шредер решительно стёр со своего лица неестественную радостную гримасу камеди-мэна и улыбнулся, только на этот раз искренне и снова посерьёзnel. Вопреки ожиданиям, далось это легко и без усилий.

Шредер был прекрасным психотерапевтом и понимал почему ему так легко и здорово рядом с Монзомо. Ему очень хотелось рассказать свои наблюдения и выводы новому товарищу, но разум твердил, что индеец вряд ли обрадуется, если услышит, ещё и про его мрачное детство. В детстве взрослые Джо не понимали, а сверстники обижали. Отец, ветеран Вьетнамской войны, учил его «быть сильным мужиком». Записывал на всевозможные секции, возил на рыбалку, в лес и делал много всякого такого, что Джо к своим двенадцати годам понял – быть «сильным мужиком» таким каким отец его видел, откровенно говоря, не по силам. Но Джо продолжал стараться, хотя сам не верил в результат. Сильными сторонами Шредера были ум и артистизм. То, что он на самом деле он крут, Джошуа доказал, получив диплом врача. Видимо, в

годы учёбы маска к лицу приросла основательно.

Истинная сущность... Её не скроешь. Бывшая ушла без объяснений, но может быть её просто испугал тот мрачный хмырь с начинающейся алкогольной зависимостью, в какого он временами превращался? А Монзомо... Индеец был тем самым отцовским идеалом мужчины, которого модному психотерапевту из Лос-Анджелеса никогда не достичь.

Шредер выкинул из головы всё и призвал себе на помощь все силы и всю координацию, чтобы, наконец, отлипнуть своим задом от тумбы и совершить такой сложный сейчас путь обратно к товарищу. В поле зрения попала бутылка, в которой коньяка осталось на доньшке. Всего-то по разу выпить, а такой прекрасный вечер завершать совсем не хотелось. Джо вытянул в сторону почти опустевшей фигурной ёмкости руку, словно Моисей в пустыне, указующий путь соплеменникам, постоял так несколько секунд, вспоминая, что он собственно, хотел сказать или сделать. В голову почему-то лезла ненужная информация о том, что от Мемфиса, из которого стартовал Моисей со своей командой, до Иерусалима всего четыреста километров. Это солидное расстояние, особенно пешком по пустыне. НО! Но не настолько, чтобы на его преодоление ушло сорок лет. Мысль потерялась...

Обратив внимание, что до сих пор стоит с указующим перстом, проследил направление. Увидел почти допитую бутылку и радостно выдал:

– У меня есть ещё! В машине. Я их сейчас принесу.

И Шредер зигзагами двинулся к двери, ведущей в гараж. Почти прямо перед ней вдруг остановился, потеряв ориентир, постоял несколько секунд, покачиваясь и засунув руки в карманы. На лице его отражалась тяжкая мыслительная работа. Потом повернул нахмуренное лицо к Монзому и с печалью заявил:

– То чем вы меня угощали... Это пища богов! Я готов поверить в вашу магическую силу, – сказал он индейцу уже изрядно заплетающимся языком, – Спасибо за столь сказочный ужин. Вы настоящий мастер обращаться с дичью. Мою первую добычу в этих л-лесах, предлагаю приготовить и съесть тоже вместе. Я, увы, не так хорош в кулинарии...

Монзому кивнул.

– Съедем...

Твёрдо заверил индеец своего товарища, для весомости утвердительно мотнув головой. Стало видно, что он не слишком-то отстал от того в алкогольном опьянении.

– Непременно убьём... Потом съедем... А, нет! Убьём, приготовим, а уже потом... Знаете, Джошуа, с сырого мяса меня пучит. Нужно только чтобы добыча была большой, а то...

Индеец похлопал ладонью свой округлившийся от обильной пищи животик и поднял палец вверх с очень многозначительным видом. Словно говоря, ну ты сам должен понимать Джо, кролик и бизон две больших разницы.

– У вас тут так всё запутано... Заблудиться можно. Г-где

вы спрятали гараж?

Общими усилиями соседи всё-таки нашли искомое и вернулись за стол с ещё одной бутылкой коньяка.

То, что сосед поддержал идею съездить на озеро прямо сегодня, привело Джо в восторг, но он уже через пять минут забыл об этом, всецело отдавшись сложному квесту по поиску гаража, открывания багажника и добыче из сумки ещё одной бутылки коньяка. Это на самом деле потребовало от него недюжинных усилий, хотя он всё время чувствовал рядом крепкое и успокаивающе сопящее плечо хозяина, похожего на вставшего на задние лапы медведя. За то, что это было именно плечо поручиться сложно. Может, это был живот или локоть, неважно, так как Шредер относился к нему именно, как поддержке, плечу. Он уже любил этого человека всем сердцем и немного окосевшими глазами. Вдвоём они проторили извилистый путь к машине и вызволили коньяк из плена сумки.

По возвращении за стол, Джо снова попросил рассказать своего соседа о человеке, что жил по соседству в его доме. Но рассказ не успел начаться, так как в уютном доме Монзомо появился ещё один крупный и широкоплечий индеец.

Глава 7

Пришёл я в себя в тот момент, когда несколько крепких парней грубо пытались погрузить меня в машину. Ещё не осознав ситуации, начал дёргаться.словно ужаленный, попытался сопротивляться, всё ещё не осознавая происходящее вокруг, но они словно этого только и ждали. Нечего было думать, что получится вырваться из этих клешней вот так вот запросто. Попытка сопротивления была заведомо обречена на провал, но мозг всё ещё не заработал нормально. Общеизвестно, кого рождает сон разума, но в моём случае всё было немного иначе. Мной завладела паника, которой нечего было противопоставить. Я резко дёрнулся в одну сторону, в другую, и эта попытка была более успешной, получилось освободиться. Однако это не принесло мне счастья, потому что добился только того, что ощутил твёрдость асфальта собственным лицом, и растянулся. Быстро подняться на ноги не удалось.

Раздалась матерная тирада, я, сориентировавшись на звук, крутанулся и зарядил ногой, обутой в крепкий ботинок. В ста тридцати километрах от Мурманска есть Спутник. В этом небольшом посёлке и была расположена учебка морской пехоты, где впервые я ощутил на себе подобный удар. Он подобен удару копытом дикого ишака, то есть ломает череп без вопросов. Возможно, со стороны моя отчаянная по-

пытка вырваться выглядела нелепо. Я лягался из неудобного положения на четвереньках, но падение и вскрик боли сообщили, что удар достиг своей цели. Если кто и смеялся, то мне в этот момент было не до смеха. В ушах бешено барабанил пульс, а выброс адреналина в кровь бросил меня в пот.

Мой живот взорвался вспышкой острой боли от пинка. Ответил наугад подсечкой, всё получилось, но дальше на меня посыпались удары так часто, что оставалось только закрываться руками и ногами. Противники изловчились и прикладом рассекли бровь. Я, что называется, поплыл. После взрыва боли в голове сопротивление моё было сломлено.

Муры ещё какое-то время продолжали избиение, а потом взорвались громким гоготом. Только в плохих приключенческих книгах и боевиках категории «Б» главный герой вскакивает после удара прикладом в лицо и, как Брюс Ли, ломает щипки ещё четырнадцати с половиной врагам. На деле я боролся со звоном в ушах и пытался предугадать, откуда прилетит следующий удар. Кровью залило всё лицо, но это ерунда, до свадьбы заживёт, а вот с тем, что эта липкая красная жидкость делала мои глаза бесполезными, поделать было ничего нельзя. Заработал ещё один удар сапогом в лицо и окончательно потерялся. Нет, это не был нокаут, но ориентироваться в пространстве не получалось, в том числе из-за того, что голова пошла кругом. Вновь я бесславно растянулся на асфальте. Нос отказывался дышать – похоже, последний прилетевший пинок его сломал. Во рту стоял кисло-ме-

таллический вкус крови.

– Дайте я завалю эту гниду! – выкрикнул какой-то мужик тонким голосом.

– Захлопнись, Марго, – раздался сиплый голос Мальвины, – Сам пойдёшь на разделку, если завалишь этого. Забыл, сколько органы кваза стоят?

Краем сознания я ощутил, как сильные клешни вздёрнули моё обмякшее тело, и поставили на колени.

– Что с ним делать дальше? – спросил другой голос из-за спины.

– К остальным его, пока... Помнишь меня, гадёныш? – ответила Мальвина, – Помнишь, Орк?

– Не завидую твоему Пьеро, – прохрипел я, брызгая кровью при каждом слове, – Не знал тебя никогда. Отвали, уродина.

В ответ не прозвучало ни слова, меня даже не ударили. Ощутил только как в шею впилась игла инъектора. Свет в глазах померк. Видимо, после этого меня всё-таки закинули в машину, потому что в себя я пришёл на полу переоборудованного кунга одной из машин для перевозки свежаков.

Что сказать? По уровню комфорта даже на рейсовый автобус не тянуло. По центру вдоль всего кунга была приварена широкая металлическая лавка, никаких окон по бокам тут не предусматривалось, только стрелковые бойницы, отчего было темновато. Сама машина полностью обшита стальными листами. Внутри пахло страхом.

Болело абсолютно всё. Кроме этого, ко всем моим бедам добавился холодный склизкий ком, ворочавшийся в желудке. Подступало споровое голодание, не сулившее ничего хорошего.

Я осмотрелся, как мог, и не заметил охраны. Видимо, мурры решили, что я, избитый и со стянутыми пластиковым хомутом руками, не представляю для них никакой опасности, а девочек-старшекласниц они тем более не боялись.

Так как все сидячие места были заняты, а мой комфорт мало кого заботил. Да и комфорт этот, надо сказать, был весьма условным. Со стонами и кряхтением я перекатился к борту кунга, принял полусидячее положение и осмотрелся. Девушки сбились кучкой на лавке и жались одна к другой. На меня смотрели настороженные и испуганные лица. Им не позавидуешь. Утром они пошли в школу, а вот сейчас их взяли в плен небритые мужики с перегаром, погрузили в грузовик, как скотину, и неизвестно куда везут.

Тут я не удержаться, желудок прыгнул к горлу и его вывернуло. Очень хорошо, что в этот момент я не валялся на спине, а уже принял более или менее безопасное положение, иначе точно бы захлебнулся собственными рвотными массами. Незавидная смерть... Будто смерть бывает завидной. Ох, не о том я думаю. Не о том...

Со скамьи встала и под села ко мне маленькая крепкая брюнетка в перепачканных голубых джинсах и розовой толстовке.

– Вы русские? – спросила она встревоженно с сильным англо-американским акцентом, – Это война?

Я отплевался тягучей слюной и сказал ей:

– У меня на поясе висит фляга. Дай мне из неё напиться.

Мою просьбу встретил непонимающий взгляд.

– Фляга? Это что?

– Ёмкость, сосуд, бутылка...

Руки зашарили по моему поясу и через несколько минут одной проблемой у меня стало меньше. Вроде даже в глазах посветлело и побои стали болеть меньше. Девушка понюхала жидкость через горлышко, поморщившись с отвращением спросила:

– Фу! Что это за гадость?

Я облизал разбитые губы и попросил:

– Дай-ка я ещё глотну...

После нескольких глотков почувствовал себя лучше.

– Что это за... эээ... напиток? – вновь спросила меня брюнетка.

– Голова болит после кислого тумана? – ответил вопросом на вопрос я, – Это лекарство. Глотни и пройдет всё.

Она закрутила горлышко и пожала плечами.

– Голова болеть... Болит... Но я воздержусь. Пока терпеть можно.

Я возразил ей:

– Потом могут не дать, душа моя, а то, что дадут, тебе вряд ли понравится...

– Кто вы? Вы русские? Это война? – вновь зачастила она.

– Я русский, – согласился с ней я, – Войны нет, но мы провалились в другой мир.

Брюнетка помолчала, видимо, переваривая информацию.

– Это... Булл шит... Какашка... происходит только у нас в городе или совсем везде... По всему миру?

– Не, – отрицательно качнул я головой, отчего она заболела с новой силой, – Только ваш Кадык провалился в Улей.

– Улей? – удивлённо переспросила брюнетка, – Ты крейзи... Сумасшедший? Да?

Хотелось бы мне очнуться от всего этого в комнате с мягкими стенами и в смиренной рубашке. Но, видно, не судьба. Да и реальность, как обычно, переплюнула по степени зашкаливающего бреда любую, даже пускай, самую дикую галлюцинацию.

Я ухмыльнулся, но получилось скверно. Разбитые губы лопнули, и по подбородку потекла струйка крови. Наш грузовик подпрыгнул на очередном ухабе, и без предупреждения очень близко дал две короткие очереди крупнокалиберный пулемёт вроде КПВТ. А может это именно он и был. Когда по крыше стального кунга загрохотали гильзы, стало ясно, что открыли огонь из башни, расположенной наверху. До пленниц дошло не сразу, но как дошло... Они закричали все разом, а некоторые заплакали. Но это был ещё не конец, после паузы пулемет начал долбить длинными очередями почти без остановок, а гильзы звенели о крышу латунным во-

допадом. Фигуристая невысокая брюнетка неосознанно вжалась в меня всем телом, ища поддержки в минуты опасности.

Глава 8

Ощущать все изгибы тела упругой фигуристой брюнетки своим было приятно и странно одновременно. Приятно было по понятной причине – брюнетка эта была привлекательной. Спортивное и пышное тело не такая уж и редкость, но обычно что-то одно всегда перевешивает. Но, однозначно, такое понравится любому мужчине, если только он не на смертном одре, хотя...

Я ещё до конца не сформировал однозначное мнение, кем именно мне приходится Мамба. С одной стороны, она окрестила меня дурацким именем, с другой – учит всякому на правах более опытной и бывалой, делит все тяготы и постель, но... Она не инициировала эти разговоры сама и несколько раз замяла, поднятую мной тему.

Она помогла отбить меня и Арманд, когда они попались пиковым.

А после вытащила меня на себе, не бросила там, чтобы довели до безопасного места. Затем пристроила женскую часть группы в Зимнем. И пристроила, надо сказать, максимально удачно. Аня и Арманд живут в отдельном доме со всеми удобствами за надёжными стенами Зимнего, а Брусника, так та и вовсе сейчас один из самых уважаемых специалистов – ученица знахаря Лакмуса. И она продолжает по мере сил помогать. Вспомнить хотя бы тот случай, когда быст-

рая на язык крёстная обложила смесью испанских и русских матюков местного служителя Фемиды и влетела на такой же срок исправительных работ, как и я, сам.

Или те случаи, как мы отбивались от серых и атомитов? Собственно, ничего плохого из того, что мы, попали в штрафники, также не вышло. Вся местная система была отработанной и рабочей, оставалось в неё встроиться. Этот способ не хуже других.

А уж то, как крёстная и я устроились всего за кредит в день, вообще, тема для отдельного разговора. Вот и выходит, что в эти неприятности вляпался я по своей собственной, так сказать, инициативе и дурости.

А мне странно сейчас было потому, что я ещё помнил тепло тела Мамбы и был избит так... Что моё почтение мурам... В чём-чём, а в мордобое они понимали.

Однако, мужское естество с готовностью откликнулось на плавные изгибы. Вроде бы получил ночью столько удовольствия, казалось, не захочется ещё месяц. Как бы не так! Паразитические споры перенастроили организм на гормональный фон шестнадцатилетнего юноши, и с этим хочешь не хочешь, а нужно считаться.

Из-за того и самых разнообразных извращенцев в Улье допмна. Гормоны накатывают цунами, а сдерживающего фактора в виде карательных органов и общественной морали либо нет совсем, либо есть, но в исчезающе малых количествах. Я даже слышал версию, что душевнобольные и пред-

расположенные почему-то перерождаются меньше нормальных, а на выходе имеем то, что имеем – зашкаливающее количество моральных уродов. Но я всё же склоняюсь к версии, что мы, люди, думаем о себе и друг о друге намного лучше, чем того заслуживаем. Улей вытаскивает из человека всё, что дремало по тёмным углам сознания и боялось высунуться в условиях нормального цивилизованного общества. А при анархии, которая тут почти повсеместно творится, даже у тех латентных, которые про себя сами ничего такого не знали, крышу рвёт со страшной силой. Если же помножить это на постоянный экстрим, адреналин и непрекращающиеся стрессы...

Вот взять, например, меня. Нужно думать, как выбраться из всей этой задницы, в которую я угодил, но мысли сейчас совсем не об этом. Сажу в обнимку с миловидной брюнеткой, которая через пару часов вполне может заурчать, и борюсь с разбушевавшимся либидо.

Кто мог напасть на хорошо вооружённую колонну муров? Неужели тут ещё есть кретины вроде меня, Брюнета и Мазая, которые без разведки и хорошего вооружения с наскока атакуют? Или это заражённые, которым просто хочется кушать?

Машина вильнула и остановилась, заставив меня больно приложиться затылком об стальную стенку сарая кунга. Двигатель продолжал работать на холостых оборотах.

– Скажи девочкам лечь на пол, – сказал я брюнетке, – Сейчас могут начать стрелять по нам.

Глаза моей собеседницы расширились от страха и удивления, но она сделала, как я её попросил. Надо сказать, что послушались совета далеко не все из них. Несколько чёрных куриц остались сидеть с независимым видом. Ну и Стикс с ними, пусть творят что хотят. Я им не отец родной, чтобы переживать за их здоровье и жизни. Сам же с кряхтением встал и подошёл к одной из бойниц.

Муры выглядели совсем не так, как те, с которыми мы схлестнулись у школы. Пиковые бестолково занимали позиции вокруг машин.

Всего около дюжины, все мужики, возраст неопределим, но на вид от двадцати до сорока. Разбились на двойки и тройки. Из общего у них был только однотипный камуфляж, ясно, что не только что с прилавка или со склада. У одного под кителем была тельняшка, а у другого красная футболка. У третьего вообще ничего не было, а четвёртый совсем оказался без куртки.

Обувка так и вовсе была с бора по сосенке – успел заметить кирзовые сапоги, ботинки на шнуровке и кроссовки.

Они были бы похожи на туристов, грибников, охотников или рыбаков, если бы не вооружение. Но оружие не было однотипным и соревновалось в пестроте. Ружья, винтовки, карабины, несколько автоматов и даже один арбалет. Всё это войско может лечь в схватке с одним рубером. Если твой ствол не в состоянии пробить череп опасной твари – ты мясо.

– Монстры! – подобно иерихонской трубе, завопила по-

английски негритянка эфиопской наружности.

От вопля в замкнутом пространстве заложило в ушах, но я поторопился к противоположному борту, чтобы оценить степень опасности. Бойниц в этом стальном гробу было немного, и у каждой уже стояли школьницы. Пришлось совсем невежливо оттереть плечом говорившую со мной брюнетку и попытаться разглядеть хоть что-то. Бахнул ружейный выстрел, затем ещё и ещё, подключился автомат Калашникова и только после этого вступления добавились пулемёты, установленные на машинах.

– Это ещё не монстры, – проворчал я, – Пока вижу только с десяток бегунов и пару лотерейщиков...

И действительно, со стороны шоколадки неслись, перепрыгивая кочки, с десяток или дюжину тощих, ободранных, но неестественно быстрых и жилистых фигур – матёрые бегуны, твари, готовые перейти в разряд лотерейщиков. Они всё ещё похожи на людей, но уже не такие неуклюжие и медленные, как это бывает на начальных стадиях заражения, когда новый хозяин тела только пытается с ним освоиться. Не такой уж серьёзный противник для крепкого в коленках и вооружённого, пусть даже только холодняком, рейдера. Группа очень разреженная и набегает словно с разных сторон.

Твари мчались, виляя между карликовыми ёлочками, перепрыгивая на ходу и огибая поросшие начавшим желтеть мхом кочки, коих тут, в тундре, было в изобилии. За спина-

ми бегунов маячили два серокожих лотерейщика, уже полностью лишённых одежды. Из-за скорости и рваной манеры движения тварей стрелки при всей подавляющей огневой мощи безбожно мазали, расходуя драгоценные боеприпасы, а всё из-за того, что, похоже, это кто-то вроде муровских штрафников, чьей задачей было под прикрытием обчищать магазины, а тут в кои-то веки они столкнулись пусть с небольшой, но со стаей заражённых.

А это, как ни крути, уже целая толпа, хрипящая и урчащая на разные голоса, только и мечтавшая добраться до человеческой плоти и впиться в неё зубами, напиться крови, насладиться вкусом мяса, похрустеть хрящами, обглодать косточки.

В первые недели в Улье по ночам дёргался, насмотревшись таких вот картинок в течение дня, но человек такая тварь, которая ко всему привыкает. И я привык. Что характерно, привык быстро, словно и не жил расслабленной праздной жизнью современного горожанина.

– Они нас съесть?! – задала очевидный вопрос брюнетка.

В голосе русскоговорящей американки уловил истеричные нотки.

– Обязательно съесть, – подтвердил я, – Если эти в лыжи обутые не отстреляются от них сейчас.

Бросил ещё один взгляд на поплывшие хари стремительно приближавшихся бегунов, покрытые загрубевшей и морщинистой, цвета асфальта кожей, разъявленные клыкастые па-

сти, руки на которых уже начали расти когти, пока ещё слабые, но уже на стадии лотерейщика эти когти смогут вспарывать металл.

– Дай мне напиться из фляги! – приказал я брюнетке.

Глава 9

Джо обнаружил постороннего человека в доме далеко не сразу. Поначалу показавшийся пустоватым, дом Монзомо оказался очень функциональным и, как выяснилось на практике, очень уютным. Шредер сидел у камина-очага, потягивая коньяк из стакана для виски и размышляя, что с таким девайсом совсем не нужно ни телевизора, ни компьютера, ни смартфона. Знай себе, любуйся горящим живым огнём, а когда надоест одиночество, то можно пригласить к себе друзей и рассказывать друг другу истории у очага, а когда они закончатся, то можно снова наслаждаться танцами языков пламени по углям. И до того он размяк и погрузился в созерцательное настроение, что, когда увидел этого мужчину, от неожиданности вздрогнул.

Крупный и широкоплечий, по виду – тоже индеец. Гладкие и чёрные, словно смоль, волосы ниспадают на широкую спину и мощные плечи. Лицо было... Ликом сурового языческого божества, вырубленным из чурки каменным топором. Самыми выдающимися деталями были нос, напоминавший клюв орла, тяжёлый подбородок и чёрные глаза, цепкий взгляд которых и вырвал Шредера из созерцательности.

Пару минут точно Джо пытался вспомнить что-нибудь про этого субъекта, пока не понял – это тот самый родственник, о котором ему рассказывал гостеприимный хозя-

ин. Шредер припомнил, как просветил об услуге «трезвый водитель», а Монзомо смеялся и возражал, что в такую глухомань никто их ночью не повезёт, кроме... Правильно. Его дальнего родственника. Индеец смеялся, а глаза его были печальны. Кажется, Джо и об этом сказал, но это породило новый взрыв веселья, хотя говорил он вполне серьёзно.

Расслабившийся вконец Шредер собрался было, поздоровался почти внятно, приумолк и напрягся. Глядя на серьёзное выражение лица этого нового персонажа вестерна, он вдруг понял, как выглядят его нетрезвые капризы с немедленным посещением не чего-то там, а священного места индейского народа. Он – нетрезвый белый человек, предки которого ещё не так давно истребляли краснокожих, что-то там требует практически у местных. И вот, Монзомо – добрая душа, напрягает связи и отвлекает своего родственника, может, уже отдохавшего в это время, чтобы тот бесплатно свозил белый зад Шредера, куда тому вздумалось.

Когда индеец подошёл к соседу, стало ясно – ростом он удался. Он был на полголовы выше Монзомо и почти на голову выше Джо.

Джошуа стало неловко и совсем неудобно в компании с двумя индейцами сразу. Они были оба крупней его, отчего в комнате резко стало тесно. И дурные мысли в голову полезли о том, что совсем он утратил хваленую осмотрительность и перестал заботиться о своей безопасности. Но Монзомо со спокойной улыбкой представил гостя.

– Джо, я рассказывал тебе о супруге моей сестры, – сказал он, – Его имя трудно произнести, поэтому называй его просто – Кривая Секвойя.

– Я отвезти ваша на священное озеро у Медвежья Круча, – сообщил Кривая Секвойя со спокойной улыбкой, от которой суровое лицо преобразилось, – Друг Монзомо – моя друг.

– Точно! – подскочил с дивана Джо, радостно кидаясь к своей куртке, висящей у дверей, – Мы х-хотели ехать на Медвежья Круча! Тфу, ты! На Медвежью Кручу!

Снять куртку с крючка и попасть в рукава оказалось не так-то просто, но воодушевлённый предстоящей экскурсией Шредер, успешно справился с этой нетривиальной для его состояния задачей.

Естественно, коньяк отправился в поездку вместе с людьми в качестве самого почётного пассажира. Они с Монзомо продолжили употреблять крепкий напиток в пути под лёгкую музыку в стиле кантри и весёлые шутки о дамах, автомобилях, глухих лесах и ночных поездках. А потом Джо внезапно вспомнил, на чём прервалась их беседа, и снова разговорил Монзомо.

– Хочешь знать, кто жил в твоём доме до тебя, так?

Получив кивок в ответ, индеец начал рассказ:

– Я расскажу, что знаю, а знаю я немного. Это был мужчина к пятидесяти или за пятьдесят. Я бы не сказал, что он производил впечатление больного или страдающего душевным расстройством, но все соседи в один голос утверждали

– он псих. Все эти душевные болезни, наверное, больше по твоей медицинской части. Я в этом не разбираюсь. Считаю, что нужно жить самому и другим диагнозы не ставить.

Посмеялись, выпили. Джо уже подумал, что это конец, но история неожиданно продолжилась.

– Ни жены, ни детей, ни других родственников я ни разу не видел и не слышал, чтобы они были у этого русского....

Монзомо задумался.

– Его имя было Виталий или Витас, как-то так, но все звали его Нэмо, Лунатик Нэмо или Дурачок Нэмо. Так дразнила его местная шпана. Повторюсь, что на меня он не производил впечатления больного, вот...

Монзомо догрызал кусок сушёного мяса, усердно работая челюстями.

– Нэмо вёл отшельнический образ жизни. Большую часть времени он проводил у себя дома. Выбирался только за продуктами. На что жил, не скажу. Не работал, но говорят, что был литературным критиком. Со мной он общался только по необходимости. Пару раз заходил, просил воспользоваться компьютером, чтобы отправить какие-то письма по электронной почте. И это, пожалуй, что всё.

Индеец принял от Шредера стакан с уже налитым коньяком и продолжил рассказ с ним в руке:

– Дома у него не было ни интернета, ни компьютера последние год или два точно. Его мобильный телефон был очень старый, выходить в сеть с такого не получится. Оде-

вался просто, но чисто. Машина у него была древняя, грузовичок, «Дженерал Моторс», – индеец задумчиво почесал затылок, стимулируя память, – Однажды он исчез. Просто исчез. Про таких говорят: «Пропал без вести». Насколько мне известно, тело его так и не было найдено.

Выпили, помолчали и Монзомо продолжил:

– Хватились его не сразу, а когда в присутствии шерифа вскрыли дверь, ожидали найти покойника. Но все вещи остались на своих местах, машина в гараже, насколько я знаю, а Нэмо нигде не было. Потом дом долго стоял пустым. Приезжал какой-то суетливый мистер из другого города, не знаю, из какого. Он-то и вывез всю мебель и вещи на свалку. Дом запер и уехал. А спустя год или около того, приехал ты.

Индеец наклонился к Джо и доверительно прошептал, дыхнув на него перегаром:

– Я слышал, что по стенам было развешано очень много распятий и связок чеснока.

Сосед неуверенно пожал плечами и слегка пьяно улыбнулся, словно был не уверен, не покоробит ли Джо такой рассказ.

– Вообще, я думал, ты какой-то его родственник, но раз уж спрашиваешь, наверное, нет. Думаю, этот парень серьёзно опасался либо гриппа, либо вампиров. Я б предположил, что и осиновый кол у него где-то тоже был припасён, но боюсь делать поспешные выводы.

Джо восхищённо выдохнул.

– Дела...

А его собеседник продолжал, но уже в шутливом тоне:

– Знаешь, мне как-то знакомый рассказывал, что один такой же Нэмо всё время звонил в службу спасения и жаловался, что, мол, его сосед сверху постоянно воздействует на него микроволновым излучением. Там, конечно, смеялись, да и сам посуди, как можно относиться к человеку с безумными глазами и одетому в самодельный шлем из фольги?

Монзомо понизил голос до трагического шёпота:

– Но однажды к ним в службу пришёл новенький сотрудник, только из академии. Диспетчер отправила его на вызов, шутки ради, одного, без поддержки, на «поговорить». А по их строгой инструкции сотрудник службы спасения обязан всё проверить. Так вот, новенький спасатель отнёсся к делу очень серьёзно. Недолго думая, поднялся на этаж выше, позвонил соседу сверху и с ходу строгим таким голосом, попросил того показать установку излучателя. И что ты думаешь? Мужик проводил его к себе в комнату, где несколько десятков микроволновок были выставлены, по всему полу попой вверх!

В салоне засмеялись все, включая сурового водителя-индейца. После того как веселье поутихло, рассказчик завершил историю:

– Когда сотрудник службы спасения задал всего один вопрос – «зачем?», – тот ответил ему, что сосед – инопланетянин в человеческом обличье. Так-то...

Глава 10

– Вот поэтому я и решил наезжать сюда время от времени! Надо жить в своём доме, – нетрезво провозгласил Джо, – Потому что в нём можно быть кем угодно и с кем угодно и никого не бояться. Но эта парочка соседей, о которых ты рассказал, просто восхитительна.

Монзомо и Шрёдер выпили, и последний продолжил.

– К сожалению, подобные истории не редкость, насколько я знаю. Люди часто беспочвенно ненавидят друг друга и сторонятся, что приводит к самым идиотским фобиям. Если бы эти парни сели за один стол...

Джо громко икнул, пробормотал извинения и развил мысль.

– Вот как мы с тобой. Сейчас. Они наверняка бы перестали видеть друг в друге чёрт знает кого. Я очень рад, что мы познакомились, и-и-и... вот так славно проводим время.

Скоро дорога повела совсем уж через тёмный дремучий лес. Радио передавало местные новости и приятную музыку, в салоне было тепло и не шумно. Ничто не мешало продолжать и дальше общаться.

Ожидаемо, Джо развезло ещё больше в тёплом салоне. Водитель уже не казался ему угрожающим чужаком, ведь он посмеивался вместе с новыми друзьями и время от времени вставлял словечко в их разговор, хотя в беседы не влипал,

больше ограничиваясь кивками и улыбками. Разговор снова коснулся охоты, и об этом Шредер мог говорить бесконечно, но оказалось, что внедорожник Монзомо уже разворачивался на просёлочной дороге, чтобы съехать на берег озера.

Дорога была, правда грунтовая и изрядно запущенная. Точней, это были две наезженных колеи, но джип тянул очень хорошо по бездорожью.

Наконец, машина скрипнула тормозами на опушке леса, откуда открывался потрясающий вид на гладкое, как стекло, озеро и высившуюся за ним громаду горы.

– Приехали! – бодро сообщил Монзомо.

Они вылезли из машины. Лёгкий морозец начал пощипывать щёки и лицо.

– О мой Бог! Какой вид, – в восторге произнёс Шредер, замерев на месте с глазами, смотрящими в разные стороны, – Тут волшебное!

Рядом зашуршал Монзомо, а потом разрушил идиллию своим появлением сбоку.

Он вышел первым и принялся скидывать с себя одежду. Оставшись нагишом, весело матерясь, индеец побежал, тряся причиндалами, прямо по снегу к воде. По пути Монзомо пару раз поскользнулся и чуть не упал, но удержал равновесие. Наконец, мужчина оказался на небольшой дощатой пристани, с которой и нырнул в тихие озёрные воды. Ну... Как нырнул? Это больше было похоже на то, что в тихую воду упала авиационная бомба. Шредер даже по сторонам по-

смотрел – нет ли где немецкого самолёта. Вдруг Вторая Общемировая война всё ещё не закончилась, и пора отбивать десант японцев на пляжах Калифорнии.

Результатом стало то, что Джо заворожённо уставился на удивительно красивый пейзаж с заснеженными высокими холмами, густым лесом вокруг, прекрасным озером, круглой яркой луной в пуховых облаках и мягко падающими с чёрных небес белыми хлопьями снега. Правда, луна и всё остальное чуть троилось, но общей картины это ничуть не портило. Получалось, будто смотришь на шикарный триптих, где отдельные части плавно перетекали друг в друга.

Только крупный голый индеец, плавающий и фыркающий подобно бегемоту, не давал созерцательному настроению вновь овладеть доктором. Шредер сперва неслабо обалдел, потом невольно заржал от такого зрелища, и тут его ударило мыслью, что он приехал сюда за тем же – купаться в этом озере, ледяном, под тихо падающим снегом, в... В... Хрен знает где! С людьми, которых вчера он не знал. Да что там вчера? Он ещё в первой половине дня не знал о том, что познакомится с соседом, а с его родственником они узнали друг о друге с час назад всего. До Шрёдера со всей ясностью вдруг дошло, какого дурака он свалил.

«Какого чёрта? Что я тут делаю?!» – почти в ужасе подумал он, резко развернулся и шагнул обратно к машине. Но взгляд его упал на лицо водителя-индейца со странным именем Кривая Секвойя. Тот с полуулыбкой спокойно смотрел

на него, присев на капот джипа. Хотя и давно стемнело, луна хорошо освещала его лицо, Шредеру было прекрасно видно – здоровяк не любит виды, а смотрит прямо на него. Странного, сублильного по сравнению с ним белого парня с дипломом и карьерой, решившего вдруг посреди ночи поехать макнуть свои тела в ледяные воды северного горного озера. Если Джошуа сейчас спасует, Кривой... Кривая Секвойя будет с полным основанием считать, что он в чём-то лучше него. Да и, казалось бы, а что в этом такого плохого? Человек не может быть лучшим во всём. Кто-то хорошо руководит, кто-то прекрасный исполнитель, кто-то отлично работает руками, некоторые хорошо шевелят мозгами, ну а кто-то – Джо, например, – умеет эти самые мозги вправлять. Именно поэтому люди и живут коллективами – однажды кто-то из предков решил, что в группе лучше всего раскрываются все качества индивида. Всё. С тех пор жизнь больше не была прежней. Эволюция оказалась игрой командной. Шрёдер вновь столкнулся со спокойным взглядом крупного индейца. Тот, не скрываясь, оценивал его. И вот тут у Джо разыграло... Мужское самолюбие? Вколотенный с детства дух соперничества? Да скорее всё сразу! Если пару секунд назад он спасовал, то теперь понял, что сейчас просто не имеет права ударить в грязь лицом.

– Я только коньячку ещё глотну, – отмазался он перед Кривой Секвоей и достал из салона половину пузыря, – Ты будешь? А... Ты же за рулём...

Индец ответил молчаливой полуулыбкой.

Шредер сделал три больших глотка прямо из горлышка бутылки, поставил коньяк на капот рядом с водителем и решительно принялся снимать с себя одежду, забрасывая её в салон. С трусами расставаться особенно не хотелось, но даже пьяная логика подсказывала, что их площадь недостаточна для того, чтобы согреть тело. А морозец-то сразу почувствовался кожей, моментально покрывшейся мурашками, подошвы обжёг холодом снег. Спасительный алкоголь в крови горячил, но не настолько, чтобы напрочь отбить термическую чувствительность.

В процессе разоблачения донага Джо всё больше и больше злился на себя, но злость быстро трансформировалась в некий новый для себя кураж и азарт. Ему уже хотелось броситься в эту ледяную воду. Шредер готовился преодолеть себя, и коньяк успешно помогал ему в этом.

Наконец, раздевшись совсем, он рванул к озеру. Если бы ему кто-то ещё сегодня днём сказал, что он будет бегать среди ночи нагишом по снегу в лесу, он бы всерьёз обеспокоился о душевном здоровье этого человека. То, что Джо сейчас творил, не было ему свойственно даже в самом суровом подпитии. Этот город, Монзомо, Кривая Секвойя и коньяк сняли с него какие-то печати благоразумия, какие-то моральные запреты, бросили вызов, взяли его на «слабо». И он докажет, что ему не слабо... Не крутым парням индейской наружности из глубинки, а прежде всего самому себе.

Успешный лос-анджелесский психиатр, радость Гарвардских профессоров, надежда и опора голливудских начинающих актёров, чистоплюй в стерильных рубашках, сияющей чистотой дорогой машине и с маникюром сейчас с радостным ревом спаривающегося медведя нёсся, шлёпая босыми пятками по снегу, к сказочно прекрасному озеру почти на три тысячи километров севернее Калифорнии. И с ходу прыгнул воду, чтобы не дать слабину и не передумать в последний момент.

В это короткое мгновение падения во взбудораженном алкоголем и адреналином мозге стояла картина океанского заката, какую он любил наблюдать с берега у себя дома. Что он делает тут? На таком далёком севере? Но ответить на эти вопросы себе Джошуа не успел, потому что тело его погрузилось под гладь обжигающе холодной воды.

В русском языке есть одно очень ёмкое слово, которым можно охарактеризовать то, что ощутило секундой позже тело доктора. В других языках такого нет. Именно оно и всплыло в голове Шредера из всех языков, которые он знал. У него в мозгу как будто бомба взорвалась. Хмель, казалось, слетел мгновенно.

Глава 11

На этот раз приказ возымел действие. Брюнетка подчинилась, увы, со слишком большим энтузиазмом. Металлическое горлышко ткнулось в разбитые губы, но главным было то, что я напился живуна.

Мир словно из чёрно-белой несмешной немой комедии превратился в трёхмерное цветное кино с объёмным звуком. Голова продолжала кружиться, побои – болеть. Меня всё ещё подташнивало, но почувствовал я себя не в пример уверенней. Настолько, что пробормотал:

– Жить стало лучше, жить стало веселей...

– Что ты сказал? – из-за стрельбы за бортом не расслышала брюнетка.

– Ещё говорю, дай!

Горлышко фляги вновь больно ткнулось в моё разбитое лицо, но мне полегчало. Споровый баланс был восстановлен. Выглянул вновь в бойницу. Канонада продолжалась. Я оценил своё положение. Руки перехвачены пластиковым прочным хомутом. Оружия нет, но если бежать, то сейчас, пока все муры заняты заражёнными. Далеко ли я от них уйду без оружия, старался не думать пока. Все задачи надо решать по мере возникновения. Становиться жертвой вивисекторов было совсем неинтересно. Если уж на то пошло, пусть лучше убьют... Хотя погибать во цвете лет, конечно, не хочется.

Пока я думал, в борт машины с противоположной стороны что-то страшно ударило. Никто их нас не устоял на ногах. Всех бросило сначала на одну стену, а потом на другую, когда рессоры вернули машину в исходное положение. В нашем стальном гробу пошёл такой грохот от удара, что уши заложило. Сначала даже подумал, что по грузовику с кунгом засадили из РПГ, но стальной борт с той стороны пробили изогнутые когти и потянули визжащий металл в разные стороны.

Осознание того, что происходит, пришло только тогда, когда в щели я разглядел кошмарную морду. На голове твари был виден прораставший костяной гребень, а пасть... От вида такой мясорубки удавился бы от зависти любой крокодил. Тот небольшой участок кожи, который был виден мне, был покрытым чешуёй из природного булата и роговыми наростами. Скорей всего, тело также затянуто подобной бронёй. Не дотягивает до элитника, которого я встретил на своём первом кластере, но ясно, что по развитию тварь относится примерно к руберу – высшему мутанту «фиолетовой» шкалы заражённых.

На этой стадии развития черты носителя паразита почти полностью изменены, но обычно опознать ещё возможно, было это человеком или каким-то животным. Но не в этом случае. Ничего человеческого в мутанте не было. Как и в ПГТ Мяунджа, где мы столкнулись с небольшой стаей заражённых, в этой стае явно верховодил вот этот вот красавец с

ослепительной улыбкой. Двойной ряд острых зубов, вполне способен перегрызать доски. Как они отдают приказы низшими тварями, сидевшим до последнего в засаде – вопрос, но то, что отдают – факт. Матёрые бегуны и лотерейщики откровенно туповаты, хотя в их телах споры уже освоились, но это всё выливается в их повышенную силу, выносливость и скорость. Для того же, чтобы устроить засаду на вооружённую колонну, явно нужны какие-никакие способности к планированию. Да и без разведки тут не обойтись.

Здесь же всё не просто спланировано, а ещё и воплощено как по нотам. Когда отвлекающий манёвр в виде скачущих, как макаки, и петляющих, словно зайцы, бегунов сработал, с другой стороны конвой был атакован основной ударной силой. Руберы уже вооружены длинными когтями, которыми они «рубят» людей, но эти же самые когти весьма опасны даже для защищённого транспорта. На Тихом кластере мне доводилось видеть автобус, вскрытый, словно банка шпрот. Как это было проделано, я могу наблюдать сейчас, так сказать, из первого ряда. Эта тварь ещё не элитник, но уже где-то рядом, на глаз веса в нём с полтонны или около того.

Споровый мешок этих тварей всегда содержит янтарь, до восьмидесяти споранов, до семи горошин и, самое главное, очень редко может попасться чёрная жемчужина – то, что в Улье считается настоящим сокровищем. Деньги тут даже на растопку не идут. Горят плохо, а для подтирки зада слишком жёстко. Золото? Драгоценные камни? Возможно, но только

для тех, у кого есть канал с внешниками. То есть для муров. А жемчуг – сокровище истинное, дающее усиление имеющихся даров или наделяющее новыми.

Из-за этого руберы, хоть и опасны, но всегда являются желанным объектом охоты для организованных групп. Правда, не всегда ясно, кто на кого охотится, особенно, если охотник не озаботился приобретением серьёзного оружия, или команда ненадёжная. Однако желающих привалить такую ценную тварь находится всегда в избытке.

Тварь рванула борт кунга ещё раз, и стальные листы поддались больше, дыра увеличилась.

Из-за того, что пулемёт замолчал, я начал нервничать. Уж очень нагло и быстро действовал этот заражённый, кем бы он ни оказался – матёрым рубером или начинающей элитой. Того и гляди, придётся использовать свой Дар, который я надеялся приберечь для муров. Светить же такой мощной боевой способностью не хотелось, но, видимо, это и придётся сделать, иначе... Визг окружавших меня школьниц, переходящий на ультразвук, добавлял хаоса в окружающую действительность. Тварь плотоядно заурчала, да так громко, что это было больше похоже на злобный голодный клёкот, на время перекрывший урчание зиловского двигателя. Монстр словно упивался видом беззащитной добычи. Он ещё раз рванул металл и сделал достаточной ширины дыру, чтобы запустить в неё лапу. Рывок настолько стремительный, что монстр размазлся в воздухе! Удар когтистой лапы, увитой канатами

асимметричных мышц и... Если бы я не был готов к чему-то подобному, то голову бы мне размозжило в кровавый блин.

Всё! Медлить было больше нельзя, и я наморщил пупок. Потянулся к своему Дару и сразу нащупал тот резервуар с энергией, который некоторые тут называют «Дух Стикса». Запасов было немного больше половины, а потому решил не изображать из себя электрического мага, а вложил все доступной энергией. Прицелился в глаз и метнул молнию. Секунд на двадцать я ослеп и оглох, ощущая только запах палёной плоти и озона. Когда же зрение вернулось, разгляделдохлое чудовище. Рубер всё же успел дотянуться до той разбитной негритянки, обвисшей в его лапе тряпичной куклой.

К запаху озона и сторовешего мяса добавилсЯ тяжёлый запах крови и разорванных внутренностей убитой девушки. Я равнодушно глянул и даже немного испугалсЯ этого своего безразличия. Внутри меня ничего не шлохнулось, и дело тут не в том, что от навалившейся усталости еле держалсЯ на ногах. Смерть настолько стала обыденным и привычным явлением, что не вызвала уже в душе того неприятия, что раньше. Очерствел. Если бы из меня словно стержень не выдернули, то, скорей всего, перешагнул бы и начал перепиливать пластик наручников об рванный металл. Пока снаружи стреляют, можно попытаться сбежать. Но ноги были словно ватными.

– Дай ещё глотнуть... – попросил я брюнетку, понимавшую русский.

Девушка в ужасе смотрела на разорванную негритянку.

– Алло! – прикрикнул я, – В себя приди!

– А? – она посмотрела на меня совершенно безумным взглядом.

– Ага! – нарочито грубо ответил я, – Дай попить из фляги!

– Да, сейчас...

Брюнетка дрожащими пальцами открутила пробку не с первого раза. Наконец, дав мне спасительного напитка, спросила:

– Это ты убил монстра! Но как! Почему не убил его своим громом раньше, пока ещё Таня была жива?

– Таня? – удивился я имени негритянки.

– Она Таня, – брюнетка указала на лежащую поломанной марионеткой покойницу, – Она мертва... Мертва!

Услышав истеричные нотки, осадил собеседницу.

– Цыц! Ты мультик про мишек гамми смотрела в детстве?

– Что? – вытаращилась она на меня.

– Про гамми мультик видела? Ты вроде американка, должна знать.

Всё происходящее не вписывалось в её повседневные стандарты, но она выдавила.

– Знаю, смотрела...

– Во фляге мой гамми-ягод сок, – ответил я, – Усекла?

Она старательно закивала.

– Усекла...

– Дай ещё глотнуть.

Глава 12

Перепилить пластик удалось в несколько секунд. После того, как рубер разорвал металл, в изобилии торчало много стальных полос с острыми краями, так что вопроса, чем разрезать прочный пластик, также не стояло.

Пока занимался этим делом, мысли лихорадочно метались по черепной коробке. Заражённые, даже такие развитые, как руберы, обычно гениальностью не отличаются. А тут... Грамотно спланированная атака. Что дальше? Бегуны с автоматами? Часть сознания была занята другим извечным русским вопросом. Да, а что собственно делать? Дар я применил, огорчить муравьев буквально нечем. Вокруг нас тундра. Да, не та тундра, что на Земле, в том смысле, что мох и ёлочки тут успели пожелтеть. Тут значительно теплей. Долго не побегаешь, однако, но попробовать стоит.

Пальба всё ещё продолжается, а значит, нужно выскочить из машины и ломиться изо всех сил в противоположную сторону. Умней ничего в голову не приходит. Школьники жаль, но придётся их бросить. Хотя... Усмехнулся, вспомнив анекдот:

- Неправильно ты, Дядя Фёдор, врёшь.
- Да? А как нужно?
- Ты себе врёшь, а надо другим.

Судьба чужих девчонок мне неинтересна. Да, я пытался им помочь, не получилось. Теперь нужно спасать себя, но прежде...

Выпрыгнул из кунга и сразу ясно стало, почему КПВТ замолчал. Пулемёт перестал стрелять не потому, что мабута за ним обгадилась, а по вполне уважительной причине. Стекающая по борту кунга кровь и валяющиеся вокруг куски тела пулемётчика красноречиво это подтверждали.

Желал ли я смерти этому пулемётчику? Да, я желал и считал, что он получил своё. Но любоваться отрадной картиной было некогда, вскрыл споровый мешок развитого заражённого. Уязвимый орган начал зарастать костяным капюшоном. Раньше без ножа я с такой задачей едва ли бы справился, но сейчас мои ногти обрели небывалую прочность. Дольки спорового мешка поддались, и я, не глядя, выгреб всё содержимое в карман, а дальше, осмотревшись, увидел съехавший с грунтовки пикап с пулемётом. Судя по всему, рубер начал свою атаку на колонну с этой несчастной тойоты, потому что та стояла, зияя вырванной с мясом дверью со стороны водителя, а пулемёт был сорван с вертлюги. Брызги крови дополняли картинку яркими пятнами. Прыгнуть в машину и вжать педаль газа в пол оказалось непреодолимым искушением.

Пробежал с сотню метров с такой скоростью, что, наверное, мог бы посоревноваться с чемпионами мира. В висках

барабанил пульс, дыхание хрипло вырывалось из груди. Ещё до того, как я упал в водительское кресло, услышал – двигатель молотит на холостом ходу. Что же, хорошая новость – автомобиль исправен, а значит, моя отчаянная попытка побега резко набрала шансы на успешное завершение.

Уже когда вывернул на грунтовку, увидел догонявшую меня брюнетку и ещё троих девочек. Притормозил, открыл дверь. В этот момент нас заметил мур с автоматом и дал очередь. Одна из вчерашних школьниц вскрикнула и упала. И это он навскидку выстрелил, от бедра. И хотя он снова отвернулся к набегающим заражённым, нельзя нам больше здесь!

Заметив, как брюнетка склонилась над упавшей девушкой, я заорал:

– Бросай её! Иначе никто не уйдёт!

Через секунду беглянки были в салоне, а я, не дожидаясь, когда они захлопнут двери, утопил педаль газа. Внедорожник понёсся по грунтовке, будто я в ралли по бездорожью участвовал.

– Пристегнитесь, – сухо бросил я, попеременно глядя вперёд, на дорогу, и в зеркало заднего вида, – Ехать будем очень быстро.

Нужно сказать, что иномарка была очень утомлённой. Всё в ней, что могло дребезжать – дребезжало, всё, что могло скрипеть – скрипело, а на ухабах нас подбрасывало, трясло так, и создавалось впечатление, что вот-вот, и от машины начнут отваливаться детали. Кроме того, в кузове что-то гре-

мело и каталось.

– Что происходит?! Что это за монстры такие?! – начала расспрашивать меня брюнетка.

– Так... Давай-ка потише, – попросил я, – Вроде вырвались. Хватит истерить.

Она какое-то время просто моргала, глядя на меня.

– Я истеричка, по-твоему?!

– Да. Сейчас я занят тем, что спасаю нас, а ты кричишь мне прямо в ухо. Без тебя голова болит. Хочешь поговорить? Поговорим, – я поморщился, – Только давай тише. И курицам этим скажи, чтобы потише себя вели.

Брюнетка быстро сказала на английском языке несколько фраз, смысл которых я не уловил. Однако после них две школьницы, что-то до этого жарко обсуждавшие, замолчали, а большего от них и не требовалось.

– Так, что происходит? – спросила меня девушка после некоторой паузы.

– Я говорил тебе уже. Вы попали в другой мир. Он называется Улей...

– Хорошо, хоть это и звучит безумно, – огорошила она меня ответом, – Каким образом это проверить?

– Слушай, я не собираюсь тебя в чём-либо убеждать. Дождись ночи, посмотри на небо. Ни в одном месте на Земле нет такого.

– Так мы не на Земле? – удивилась она.

Вместо ответа, я только хмыкнул.

– Если не на Земле, то где? – последовал следующий гениальный вопрос.

– Я же сказал... В Улье. Это другой мир...

Она замолчала, явно собираясь с мыслями.

– Я поняла, но «другой мир»... Это очень расплывчато. Это где?

– Не знаю.

– То есть как – не знаешь? Я думала, ты отсюда.

– Нет, – ухмыльнулся ей я, – С Земли, как и вы, только, возможно, немного с другой её версии. Ты про мультиверсум что-нибудь слышала?

– Да, я преподаватель в старшей школе. Конечно...

Смерил мелкую брюнетку взглядом. На кого она похожа не была, так это на училку. Скорей уж, на школьницу. Впечатление усиливали отсутствие косметики и волосы, собранные в два хвостика. Скорей бы я поверил, если бы та, погибшая от лап заражённого негрityнка с третьим размером и впечатляющей кормой оказалась учительницей.

– Откуда русский знаешь? – зал я свой вопрос.

– Кадьяк – город, заложенный русскими поселенцами, я их прямой потомок, – ответила она, – Послушай, если ты не из этого мира, почему так отличаешься от человека?

Снова глянул в зеркало заднего вида. Колонна уже исчезла из виду, но пока доносились далёкие выстрелы. Про себя подумал, что зря я не остался. Вдруг пулемёт в кузове исправен? А потом представилось, как я повязываю на голову

красный платок и иду с пулемётом в полный рост навстречу свинцовому урагану. Нет... Идиотизм. Правильно я поступил.

– Извини, если тебе неприятно, – собеседница расценила мою заминку иначе, – Можешь не говорить!

– Да нет, всё нормально. Некоторые в этом мире мутируют, как я. Некоторые становятся заражёнными. Как те, которые на нас напали.

– Сначала на нас напали и захватили люди. Кто они?

– Они – муры. Пехота сатаны. Такие, как я, нужны им на органы, а такие, как вы...

– Какие такие «как мы»? – перебила меня нетерпеливая брюнетка.

– Свежие. Только провалившиеся в Улей.

Она снова замолчала, подбирая слова.

– А ты сам сколько в Улье?

Я задумался. В этом мире я меньше месяца, но столько всего произошло, кажется что намного дольше.

– Почти четыре недели...

В удивлённых глазах брюнетки читалось – и за такое короткое время тебя так покорёжило?

– Но мутируют и заражаются не все?

– Нет, – ответил я, – Некоторые. Те, кто не употребляет живун в нужных количествах или, наоборот, с ним частит, те, кто принимает жемчуг не под надзором знахарей, могут превратиться в квази заражённых. Сокращённо кваз. То есть

в таких, как я.

– Понятно, – кинула брюнетка, – Звучит всё... безумно.

Что-то заговорила одна из школьниц.

– Чего она хочет? – заинтересовался я.

– Она говорит, что местность очень отличается от той, которая вокруг нашего города.

– Да, – кивнул я в ответ, – Это мир состоит из загружающихся кластеров, как лоскутное одеяло. Каждый из них проваливается в этот мир с разными интервалами времени, принося с собой всё, что на нём было в момент кисляка – того странного тумана с кислым запахом. Для нас, тех, кто здесь пытается выжить, интерес представляют кластеры, которые попадают сюда с нашей планеты. Но есть и другие...

– С других планет? – не вытерпела моего молчания брюнетка.

– Да, – согласился я с ней, – Почему они настолько иные, я вменяемых объяснений не слышал. Минут через двадцать, я думаю, что мы доедем до одного такого. Если погони за нами не будет, там остановимся, оправимся и рванём через него.

Глава 13

– Дела...

Только и смог тихо прокомментировать Авдеич, увидев царящий на площади Трёх вокзалов бардак. Похоже, что бы-валый и тёртый грузчик пришёл к тем же самым выводам, что и Инга Александровна. Но и этого тихого слова хватило, чтобы голый серокожий стероидный культурист оторвался от своей трапезы и завертел уродливой шишковатой башкой. Зрелище было жутким – в лапе он всё ещё сжимал окровавленную ногу своей несчастной жертвы, а морда... Да, именно морда. Лицом это назвать не повернулся бы язык у самого толерантного человека. Морда была изгваздана в человеческой крови.

Грузчик нырнул за парашют сам и голову Инги Александровны пригнул с такой силой, что та впечаталась скулой в грязный гудрон.

«Будет синяк» – отстранённо подумала про себя продавщица хот-догов, но желания возмущаться или хоть как-то протестовать против грубого обращения не возникло от слова совсем. Авдеич среагировал быстрее и, возможно, спас её от обнаружения. Быть найденной людоедом желания не было. Напротив. Отчего-то, Инге Александровне, уже смилившейся с серой круговертью рутины в своей прошлой жизни, сейчас хотелось жить с такой силой, что это желание затме-

вало все остальные.

Напарник поднёс палец к губам, призывая её к молчанию, и плавным жестом указал на спуск с крыши, подразумевая, что пора возвращаться. На что Инга Александровна едва заметно кивнула.

Они тихо отползли к выходу с крыши, но, скорее всего, это было не так нужно. Адский концерт на площади и прилегающих районах со стрельбой, пожарами, криками и сиренами жандармерии обеспечивал прекрасную звукомаскировку. Однако из головы не шёл тот людоед-здоровяк, насторожившийся из-за одного негромко оброненного слова. В полном молчании спустились на межэтажную площадку, когда Авдеич снова решился говорить, правда, шёпотом.

– Да... Дела...

– Тебя заклинило, что ли? – взорвалась Инга Александровна, но тоже не решилась повысить голос и тоже говорила шёпотом, – Что делать-то нам теперь?

– Не знаю, – признался обескураженный увиденным грузчик, – Перво-наперво вооружиться чем-нибудь, а потом забиться куда-нибудь и отсидеться, пока не приедут спасатели...

– Ты не понимаешь, да? Эти мутанты в Москве, кто нас спасёт?

– Думаешь, они повсюду? – скептически спросил собеседник, – Наполеон тоже в Москву вошёл или поляки...

– Тебе напомнить, что случилось тогда? – чуть не сорва-

лась на крик Инга Александровна, – Напомнить? Москва горела так, что огонь до неба!

– Да, – неожиданно спокойно согласился Авдеич, – Дела такие, что и ядрён – батон могут с самолётика нам на темечко уронить. Дела...

– Вот заладил! Дела, дела, дела... Давай думать! Жить очень хочется. Где взять оружие? У Марича в кобуре не огурец же?

Грузчик раздражённо махнул рукой.

– ПМ у него там! Да и не отдаст он...

– ПМ?

– Пистолет Макарова, – пояснил Авдеич, – Лучше, чем ничего, но я даже не уверен, что он спасёт от того серого мордовота. Без гарантий, в общем.

– А что с гарантией? – продолжала допытываться Инга Александровна.

– Помощней что-нибудь нужно...

Ответил грузчик задумчиво, ехидная ухмылочка слетела с его губ. По выражению лица было ясно – наконец, его мысль заработала в нужном направлении.

– Думай, Авдеич, – распорядилась она, – Думай. Надо нам выжить как-то.

Однако, он ничего лучше не надумал, как разорить пожарный щит и взять с него топор. Так и спустились в торговый зал, где их ждал сюрприз.

В тишине и темноте раздавались громкие возбуждённые

голоса и почти сразу встретился охранник.

– Марич, кроме нас же никого в универсаме не было, – требовательно заговорил грузчик с топором в руке, – Ты кого-то впустил?

– Так, да! – согласился тот, – Позвонили в звонок с чёрного хода, я посмотрел по камерам, а это Тамара Георгиевна наша вернулась. Сейчас они набирают еду в торговом зале.

– Они? – уточнила Инга, – Кто «они»?

Марич ответил обескуражено.

– Она, муж, и трое их сыновей...

Авдеич уже пошёл на голоса.

Громче всех была, как всегда, директор магазина.

– Берите консервы и всё, что хорошо хранится... Да, положь чипсы обратно, бестолочь!

– Куда-то собрались?

Это спросил Авдеич, услышала подошедшая ближе Инга Александровна. Он сказал это спокойно, даже дружелюбно, но в голосе сквозила агрессия и... Насмешка.

Тамара Георгиевна попыталась взять быка за рога, впрочем, как и всегда.

– Фуф! Авдеич, нельзя же так подкрадываться! Напугал! – громко сказала она, – Чего стоишь? Помог бы!

Ответ обычно тихого и безотказного грузчика удивил не только директора магазина.

– Тамара, мой рабочий день закончен, – он улыбнулся, блеснув сталью протезов, – Я увольняюсь.

– Без отработки в две недели кто тебя отпустит? – взвилась руководитель.

– Ты не поняла, Тамара, – ухмылка стала шире, – Всему конец. И ты это просекла. Куда намылилась?

Следующую фразу Тамара Георгиевна прошипела почтише гадюки.

– Да как ты смеешь...

– Ещё как смею, – улыбка не покидала лица Авдеича, – Нам же вы не предлагаете спастись с вами? Всё верно понимаю?

– У нас...

– С какой радости?! – возразил пузатый и усатый, как морж, супруг Тамары Георгиевны, – Ты кто такой вообще?!

– Я человек, а вы – оставьте провизию и уезжайте, куда ехали.

Перепалка продолжилась, атмосфера стремительно накалялась, но внимание Инги Александровны было привлечено к углу с холодильником. Один из сыновей директорши залез в него чуть не по пояс и слишком долго не вылезал из него. Да и звуки оттуда доносились весьма странные. Они были похожи...

– Что он делает? – тихо, немея от ужаса, спросила Инга. Однако её слышали все.

– Что ты имеешь в виду, Ингочка? – ласково спросила Тамара Георгиевна.

– Ваш Русик... Что делает в том холодильнике?

– Руся! Русь! – крикнула директорша.

– Не вопи, как резаная, Тамара, – тихо сказал Авдеич, – Упыри на звук наводятся.

– Тоже мне ведьмак нашёлся, – сказал муж Тамары, – У меня вот что есть для таких резвых.

Он сорвал с плеча охотничье ружьё.

– Будешь выёживаться, для тебя пуля тоже сыщется.

Спокойная ухмылка сползла с лица грузчика.

– Нехорошо ты это говоришь...

Инга Александровна, словно заворожённая, подходила ближе к подростку, наклонившемуся над холодильником, и тут она услышала уже знакомое урчание. То самое, какое издавали людоеды. И этот звук доносился из напольного холодильника...

Она не успела отдёрнуть Тамару Георгиевну, та, как всегда, решительно двинулась к сыну.

– Руся...

Тамара подёргала его за плечо и добила своего. Подросток высунулся из холодильника с куском сырой печени в зубах. Лицо Руслана было измазано кровью, а глаза стали оловянными, без малейшего намёка на проблеск мысли.

– Он людоед! – завизжала от ужаса Инга Александровна.

– Руся! – одновременно с ней завизжала директриса.

Новоиспечённый заражённый, хоть и не имел такой массы тела, как Тамара Георгиевна, но обладал запредельной силой и цепкостью. Тот, кто пять минут назад был милым под-

ростком Русланом, игравшим на скрипке и писавшим стихи, схватил женщину с такой силой, что та закричала от боли. Никто из присутствующих не был готов к такому повороту событий, потому все оцепенели от неожиданности и наблюдали за отвратительной сценой. В тишине раздалось голодное, противоестественное урчание, издававшееся на вдохе, отчего, казалось, что подросток вот-вот захлебнётся.

– Отвали, дегенерат!!!

– Дай сюда! – первый отмер Авдеич, начавший вырвать у мужика с моржовыми усами ружьё.

– Что ты...! – возмутился тот, – А!

Бац!

Грузчик ударил супруга директрисы срезом ствола в солнечное сплетение, отчего того согнуло пополам.

Бац!

И удар прикладом отправил крупного пузатого мужчину на белый кафельный пол.

– Бабу же твою спасаю... Сам отвали... – процедил Авдеич и вскинул оружие.

Грохнул ружейный выстрел, отправившись гулким эхом гулять по большому помещению торгового зала. Инга Александровна почему—то не сомневалась, что тёртый грузчик не промажет. Он и не промазал.

Глава 14

Голова, вцепившегося в директрису людоеда, резко дёрнулась. Русик повалился на пол словно мешок с... Ну... Предположим, что с картошкой. Однако это не помогло директору универсама «Невский». Из разодранного зубами горла в такт пульсу бил фонтанчик крови.

Ошалевшая от всего случившегося Тамара Гиоргиевна с полными удивления и боли глазами пыталась зажимать хлещущую из артерии кровь, но это было равносильно тому, как проводить реанимационные мероприятия с двухнедельным утопленником. Бессмысленно, отвратительно, страшно.

– Ты убил пацана...

Это ахнул подошедший со спины Марич. Инга Александровна перевела взгляд на непонятно где болтавшегося и успевшего только к шапочному разбору охранника. Мямля и нытик Марич начал действовать незамедлительно. Охранник с неожиданной сноровкой выхватил пистолет из кобуры и навёл прямо в лоб повернувшемуся на голос Авдеичу.

– Брось ружьё! – приказал Игорёк внезапно осипшим голосом.

– Мама! – это закричали сыновья умирающей Тамары.

Один из сыновей был уже скорей молодым мужчиной, чем юношей. Второй заметно младше обнаружившего в себе задатки каннибала Руслана. Оба упали на колени рядом с ис-

текающей кровью Тамарой Гиоргиевной и пытались, что-то предпринять, как-то помочь. Вот только Инга Александровна отчётливо видела, как закатываются глаза, и как её руководительница пытается сделать ещё хотя бы один вдох, словно рыба, выброшенная на сушу. Помочь несчастной женщине сейчас можно было только единственным способом – остановить мучения. Поэтому она бросила наблюдать за душераздирающей сценой и обратилась к излишне дёрганному Маричу.

– Игорёк, прекрати дурить. Авдеич застрелил людоеда, – сказала она, поразившись холоду своего голоса, – Это ты его должен был убить, а пришлось Авдечу твою работу делать. Опустит пистолет.

– Я тут, чтобы воры не пролезли! А не чтобы по детям стрелять!

И не подумал опустить своё оружие охранник.

– Брось ружьё или...

Авдеич усмехнулся, показав стальной прикус, но было совсем несмешно.

– Или что, кент? Завалишь своего приятеля? Давай, мочи, Игорян. Намучался я уже, нахлебался. Аж по самые ноздри. Мне так даже лучше будет.

– Считаю до трёх, – начал заводиться Марич, – Один...

– Три!

На выдохе закончила Инга Александровна и ударила охранника по затылку обухом топора. Марич пошатнулся и

растянулся лицом вниз на кафельном полу.

– Нормально ты его тюкнула! – с восхищением выдохнул Авдеич и усмехнулся, – Убила?

– Нет, – отозвалась уже нащупавшая пульс женщина, – Живой... Ты лучше скажи мне, чего ты им не отдал тушёнку?

Авдеич оглянулся на стоящих над матерью детей, потом на их бессознательного отца, в завершение взгляд скользнул по Маричу.

– Понимаешь, Инга... Тут дело такое... Северный пушной зверь, он пришёл не только к нам. Оглянись. Света нет, связь тю-тю, мутанты кругом эти... Сейчас некоторые особо энергичные решат, что нужно валить или выживать. А как это без еды сделать?

Продавец хот-догов внимательно слушала объяснения грузчика, а сама в это время подняла пистолет Макарова и сняла ремень с кобурой с Марича.

– Авдеич, я всё спросить хотела... Можно личный вопрос?

– Об чём разговор? – осклабился грузчик стальными протезами.

– Вот ты образованный мужчина...

Инге Александровне пришлось выдохнуть, чтобы застегнуть ремень.

– ... Так зачем зачем ты прикидываешься неотёсанным мужланом. Со мной можно не притворяться, говори как есть.

Я пойму.

– Ладно, – кивнул он, – Ладно... Настал Конец Света, Инга. Пока непонятно, только в нерезиновой или везде, но то, что это апокалипсис, сомнений почти и нет. У нас несколько проблем: заражённые, жажда, голод и другие выжившие люди. Опасаться нам нужно в первую очередь людей. Звери могут быть сильными, хитрыми, быстрыми, но они просто звери. Свинец их должен брать, а люди... Люди пойдут на что угодно. Ты когда-нибудь бывала в экстремальных условиях?

– Нет, – ответила Инга Александровна, – А ты?

– Довелось, – с кивком ответил грузчик, – Не представляешь, насколько быстро с человека слетает налёт цивилизованности и внешний лоск. Между цивилизацией и полным беспределом имеется около девяти приёмов пищи. То есть, три дня голодухи. Вчера ты болел за футбольный клуб «Зенит», и волновало тебя только это и где найти пиво с кальмарами, а через три дня голода...

– Ты готов убивать за пищу...

– Именно. В умах голодных людей стремительно идёт переоценка жизненных приоритетов. Ты можешь прожить без нового лифчика, телефона, постельного белья и тёплого галюна неограниченное количество времени, а сколько ты проживёшь без куска хлеба? Желательно с маслом и колбаской?

– Недолго...

– На самом деле, довольно долго. Четыре недели легко.

Даже без последствий для организма. Нет газа? Электричества или топлива? Больно. Может быть, даже очень больно, но не смертельно. Смертельно, когда нет воды, еды или ты замерзаешь. Всё остальное вторично.

– Это мне ясно...

– Хорошо. Значит, ты понимаешь, что мы сейчас в пещере с сокровищами из «Тысяча и одной ночи»?

– Таких магазинов, как «Невский», в округе хватает...

Авдеич разочарованно хмыкнул.

– И ты знаешь, когда новый завоз?

Инга Александровна не знала, а потому промолчала, чтобы не выставляться ещё большей дурой. Грузчик, сказавший ей за сегодня слов больше, чем за всю предыдущую жизнь продолжил.

– Директорша с чудаковатым мужем первые, но не последние. Скажи мне, вот ты на что готова идти, чтобы накормить своих детей, которые три дня уже не ели?

– Нет у меня детей...

– Давай предположим, что есть?

– А давай не будем? – раздражённо ответила Инга – этот разговор начинал злить её.

– Не пыли, – вернулся к ехидному тону Авдеич, – Я за тебя отвечу. Если ты не поешь три дня, будешь готова пойти во все тяжкие. Слышишь?

На площади опять стреляли очередями.

– Это они пока не поняли, что не в том месте засели в

оборону. Продержатся три дня и, может быть, начнут уже стрелять друг в дружку из-за чёрствых батонов или гнилой картошки.

Женщина молчала, наблюдая за Маричем. Тот подозрительно долго не приходил в себя.

– Что ты предлагаешь? – наконец спросила она.

Однако ответ так и не был озвучен из-за того, что со стороны чёрного хода раздался грохот. После второго аналогичного звука стало ясно – кто-то ломится в серьёзную металлическую дверь. Ещё удар такой силы, что впору было сравнить со стенобитным оружием. Инга и Авдеич переглянулись и заторопились на источник звука.

– Нужно или тут засесть с бригадой крепких парней, – на ходу прохрипел грузчик, – Или брать еды, сколько увезём, и валить в тихое место вдвоём-втроём...

– Марич не нужен! – ответила всё ещё злая Инга.

– Да...

Неожиданно очень просто согласился с ней Авдеич. Она-то думала, что он начнёт её уговаривать взять охранника, но он оказался человеком прагматичным.

Источник грохота стал виден очень скоро. Когда приехала семья Тамары Гиоргиевны, охранник не стал запирает двери, а просто накинул на приваренные металлические ручки цепь. Дверь хоть и была формально закрыта, но оставался зазор сантиметров двадцать-двадцать пять в ширину. В него-то и лез сейчас страшный тощий людоед.

Инга Александровна впервые увидела людоеда так близко, и говорить про них «людоеды» как-то сразу расхотелось. Больше всего он напоминал вылакавшего канистру энергетиков несвежего мертвеца. Лучше уж назвать их «упырями» или «зомби». Резкая птичья моторика и раззявленная пасть с крупными зубами – первое что бросилось в глаза, пока Авдеич не саданул прикладом. Это не возымело эффекта. Упирь отшатнулся и снова попытался пролезть внутрь универмага.

Стало ясно, что с мозгами у него не слишком хорошо. Потому что руку он уже одну просунул, а для того чтобы открыть двери, всего-то и нужно было, что снять с ручки цепь, но зомбак продолжал рваться только вперёд, позволив себя рассмотреть получше.

Глава 15

Вся поверхность тела горела ледяным огнём. Мысли стали молниеносными и яркими. Из памяти вынырнула картина, как по указанию Джо одного из шизофреников в состоянии глубокого психоза погрузили в ледяную ванну. А он стоял рядом, руководя процессом. Вот именно такое выражение лица, как у того пациента, было у Джо сейчас, наверное. Только тот мог орать, а Джо находился под водой. Своё тело он ощущал подобием раскалённой торпеды, скользящей в плотной ледяной среде. Воздух закончился быстро, и Шредер мощными гребками выбросил свое тело на поверхность воды. От него шёл пар. Как и от плавающего рядом Монзомо.

– Ааахррхау! Уау!!! – вытолкнул сдавленно Джо и заорал, – Я понял, как работает это озеро! Чёрт возьми, я это понял!

Он громко и свободно рассмеялся, как никогда не стал бы смеяться где-то ещё. Оковы, ограничивавшие сознание, со звоном рухнули. Не осталось ничего лишнего и наносного, внезапно он оказался один, он и ледяная вода. Опыянение пропало, словно не бывало. И из-за этого Шредер сам же у себя в голосе обнаружил истеричные нотки. Неимоверным усилием воли заставил заткнуться себя и нырнул неглубоко, начав активно работать руками и ногами. Внутри его тело горело, и чувствовалась каждая стонущая и раскалив-

шаяся от холода мышца. Второй раз он вынырнул уже в более адекватном состоянии, отмечая, что вода не такая уж и холодная, по крайней мере, гораздо теплее воздуха над ней. Хмель всё ещё присутствовал в его голове, но лишь призраком и где-то на далёкой периферии сознания. В остальном мозг был кристально ясен, мысли чёткие и быстрые, зрение и слух как будто стали в разы острее. Тело, вопреки ожиданиям, не дрожало, а словно вибрировало всё целиком в едином резонансе. Сам себе он сейчас напоминал раскалённый клинок, только опущенный кузнецом в воду. Но даже при активных гребках Шредер ощущал, как немеют его конечности. Решив, что для первого раза водных процедур довольно, обратился к соседу:

– Монзомо, я хрена своего, кажется, не чувствую, – испуганно выкрикнул Джо, – В этом и заключается индейское избавление от страстей?!

И он развернулся, намереваясь изо всех сил грести к берегу.

Захохотав в полный голос, индеец тоже погрёб в сторону деревянного мостка, который облегчал процедуру вылезания на берег. На мостке их ждал водитель, с готовностью подавший руку калифорнийскому психотерапевту и снабдивший купальщиков огромными махровыми полотенцами.

– Моя б твоя назвала «Дануне», – неожиданно тонким голосом заявил водитель и рассмеялся, – Но у твоя уже есть имя...

Индеец, вылезший из Небесного озера спустя минуту, фыркал и отдувался, как кашалот. Он, не торопясь, даже как-то вальяжно выбрался из воды. Нет... Венерой, рождённой из пены морской, он не был. Даже не напоминал. Вообще не производил впечатления атлета или даже человека, хоть сколько-нибудь дружащего со спортом. Это была фигура, не знавшая мук фитнеса, мышцы заросли жирком, но впечатление все равно складывалось в его пользу. Что-то было во всей этой нарочито ленивой манере держаться напускное, ненастоящее. За ними сквозила первобытная уверенность в собственной силе, свирепой несокрушимости, и дикарская мощь во всей её первозданной красе. Красив ли каменный топор? Нет, кремниевые поделки каменного века функциональны, только и всего. Однако с дикарём, держащим в руках каменный топор, совсем не захочется встретиться на узкой тропинке где-нибудь в дебрях амазонских джунглей. Вот и с соседом-индейцем было так. Он не выглядел спортсменом, но в любых опасных испытаниях Шредер, не глядя, заменил бы Монзомо на любых других утомлённых фитнесом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.